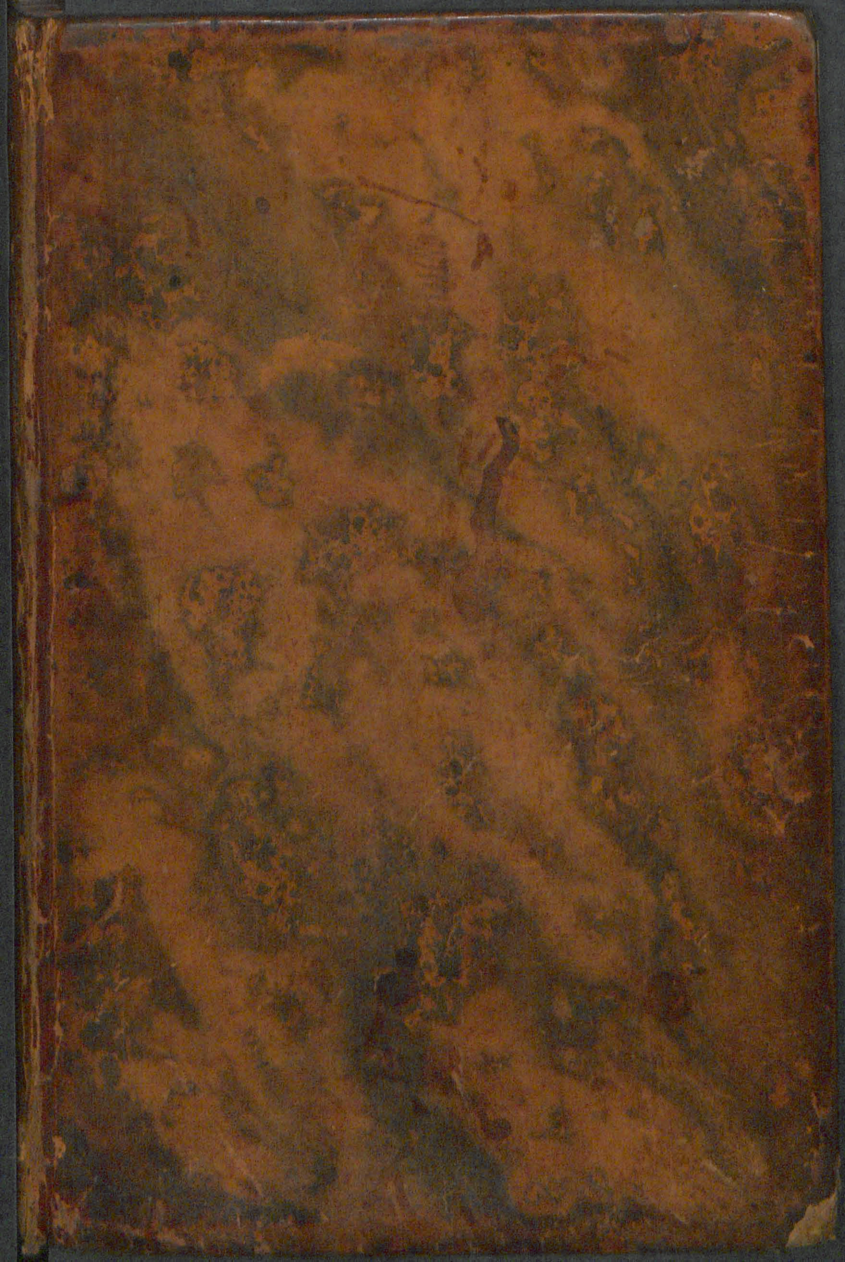
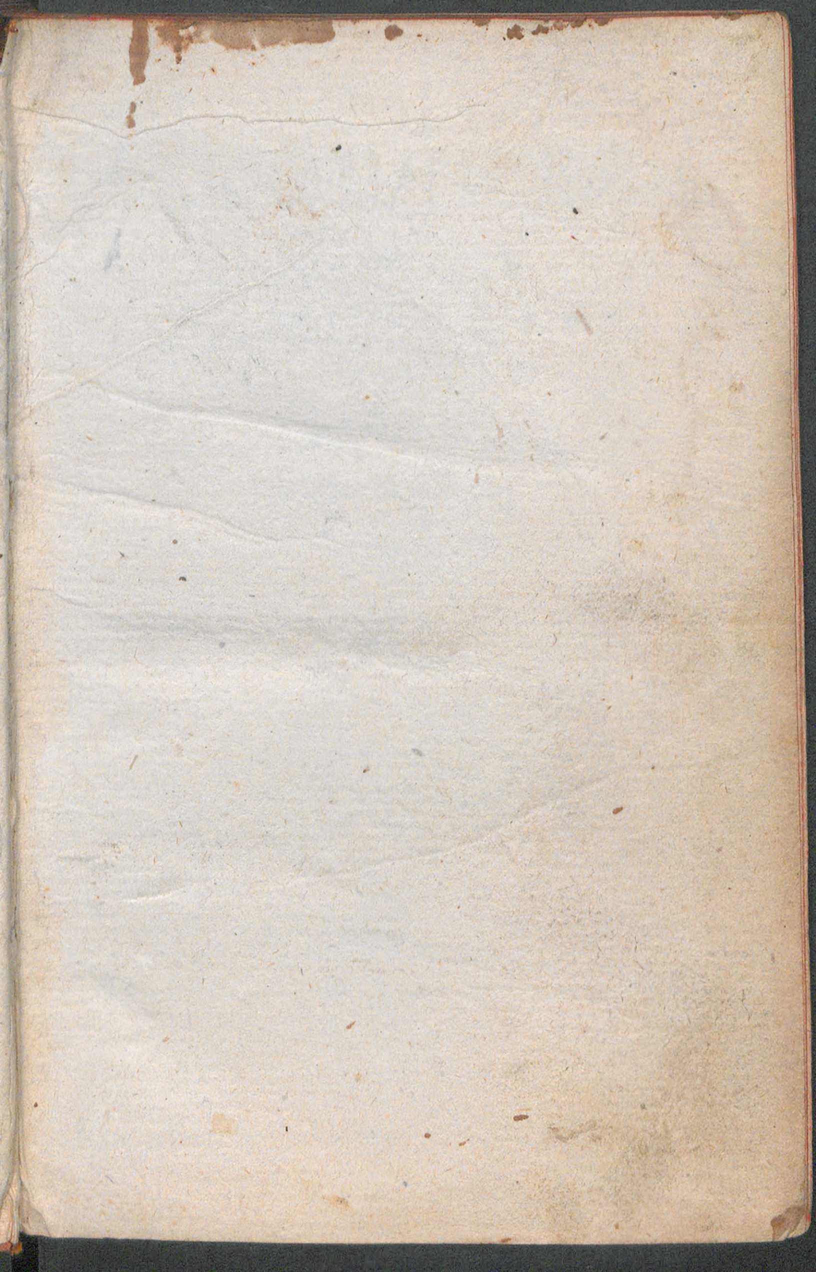

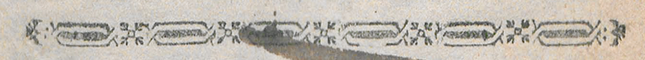

ПРИНЦЕССА ВАВИЛОНСКАЯ

СОЧИНЕНІЯ
ГОСПОДИНА В * * *.

СЪ
ФРАНЦУЗСКАГО
ПЕРЕВЕЛЪ
ѲЕДОРЪ ПОЛУНИНЪ.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,
1770. года.

Принцесса Вавилонская.

§. I.

Белусъ древней Король Вавилонской почиталъ себя первымъ человѣкомъ на свѣтѣ; потому что всѣ его придворные ему то сказывали, и Исторіографы его объ ономъ же увѣряли: естьли можно чемъ его въ семъ смѣшномъ мнѣніи извинить, то не инымъ, какъ только тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ предки его построили Вавилонъ болѣе тритцати тысячъ лѣтъ до него, и что онъ его украсилъ. Извѣстно, что

дворецъ его и звѣринецъ въ разстоянїи на нѣсколько Персидскихъ миль отъ Вавилона разпространялись между Ефратомъ и Тигромъ омывающими сїи прекрасные берегà. Обширной его домъ, имѣющей въ фасадѣ три тысячи шаговъ, воздымался подъ облака. Верьхъ онаго дома окруженъ былъ оградою изъ бѣлаго мрамора, вышиною пятдесятъ футъ, на коемъ поставлены были статуи ужасной величины всѣхъ Королей и великихъ людей государства. Сїя площадь была здѣлана въ два ряда кирпичей и покрыта толстыми свинцовыми плитами отъ одного конца до другаго, а сверьхъ насыпана была землею на двенатцать футъ, и на оной землѣ насажены были рощи изъ деревьевъ оливковыхъ, померанцовыхъ, цитронныхъ, пальмовыхъ, гвоздичныхъ, орѣховыхъ, кокосъ называемыхъ, коришневыхъ, которыя составляли алеи непроницаемыя солнечными лучами.

Вóды Евфратскїя, возвышенныя насосами во сто столбовъ вкопанныхъ, текли въ сїи садà наполнять обширные

ные бассейны мраморные, и обращаяся потомъ другими каналами, составляли въ звѣринцѣ каскады длиною шесть тысячъ футъ и сто тысячъ водяныхъ возвышенiй, коихъ вышину едва увидѣть было можно; а наконецъ возвращались въ Евфратъ, изъ коего проистекали. Сада̀ Семирамидины удивляющiе Азiю множество вѣковъ послѣ того были только слабымъ подражанiемъ сихъ древнихъ диковинокъ, потому что со времени Семирамиды все на̀чало перераждаться у мущинъ и у женщинъ.

Но что было всего удивительнѣе въ Вавилонѣ, что все прочее затмѣвало, была одна только дочь Королевская Формозанта. Съ ея то портретовъ и статуй праксиитель въ послѣдующiе вѣки вырѣзалъ свою Афродиту, и ту, которую называли прекрасною Венерою. Какое различiе, о небо! между оригиналомъ и копiями! Белусъ больше былъ надменъ своею дочерью, нежели какъ всѣмъ своимъ государствомъ. Ей было осмнатцать лѣтъ; надобенъ былъ ей супругъ ея

достойной: но гдѣ его найти? Древней оракулъ (*) приказалъ, чтобъ Формозанта не иному кому принадлежала, какъ только тому, которой натянетъ лукъ Нимвродовъ. Сей сильной Нимвродъ, будучи охотникъ, оставилъ лукъ вышиною семь футъ Вавилонскихъ здѣланной изъ Эбенова дерева гораздо крѣпче желѣза горы Кавказской, выработываемаго въ Дербенскихъ кузницахъ; и никто изъ смертныхъ послѣ Нимврода не могъ натянуть сего удивительнаго лука.

Сказано было еще, что тотъ, которой сей лукъ натянетъ, убьетъ льва наiужаснѣйшаго и свирѣпѣйшаго, пущеннаго на лобномъ мѣстѣ въ Вавилонѣ. Сего было не довольно; натягиватель лука, побѣдитель льва долженъ побѣдить всѣхъ своихъ совмѣстниковъ, и сверьхъ того быть наиразумнѣйшимъ, прекраснѣйшимъ, добродѣтельнѣйшимъ, и имѣть вещи наидрагоцѣннѣйшiя во всемъ свѣтѣ.

Прiѣхали три Короля, кои осмѣлились спорить за Формозанту, Фараонъ

(*) Языческое предсказательное божество.

раонъ Египетскій, Шахъ Индѣйскій, и великій Ханъ Скиѳскій. Белусъ назначилъ день и мѣсто сраженія на концѣ своего звѣринца въ пространномъ разстояніи окруженномъ водами Евфрата и Тигра соединенныхъ. Около лобнаго мѣста здѣланъ былъ амфитеатръ изъ мрамора, на которомъ могло помѣститься пять сотъ тысячъ зрителей. Противъ амфитеатра былъ тронъ Короля, коему должно было притти съ Формозантою въ превожаніи всего двора, и по правую и лѣвую стороны между трономъ и амфитеатромъ были другіе троны и мѣста для трехъ Королей и для всѣхъ прочихъ владѣтелей любопытныхъ видѣть сію преславную церемонію.

Прежде всѣхъ пріѣхалъ Король Египетскій верьхомъ на быкѣ Аписѣ, державъ въ рукѣ цитру Изисину. За нимъ слѣдовали двѣ тысячи жрецовъ, одѣтыхъ въ бѣлыя полотняныя одежды бѣляе снѣгу, двѣ тысячи ѳвнуховъ, двѣ тысячи чернокнижниковъ и двѣ тысячи воиновъ.

Король Индѣйскій пріѣхалъ скоро потомъ въ колесницѣ на двенатцати слонахъ. Свита его была еще гораздо многочисленнѣе и великолѣпнѣе Фараона Египетскаго.

Послѣдней пріѣхалъ Король Скиѳскій, при немъ были только воины избранные вооруженные луками и стрѣлами. Онъ ѣхалъ на преизрядномъ тигрѣ, коего усмирилъ, и которой былъ такъ великъ, какъ самая хорошая Персидская лошадь. Повелительной и величавой видъ сего Монарха помрачилъ его соперниковъ. Руки его голыя, жиловатыя и бѣлыя предвѣщали уже, что онъ Нимвродовъ лукъ натянетъ.

Сіи три Государя пали тотчасъ предъ белусомъ и Формозантою. Король Египетскій подарилъ Принцессѣ два наилучшихъ крокодила Нилскихъ, двѣ морскихъ лошади, двѣ крысы Египетскія и двѣ муміи (*) съ книгами великаго Гермеса, что онъ почиталъ за наибольшую рѣдкость на свѣтѣ.

Ко-

(*) Балсамированное мертвое тѣло.

Король Индѣйскїй подарилъ ей сто слоновъ съ башнями деревянными вызолоченными на каждомъ, и положилъ къ ногамъ ея вейдамъ, писанной собственною рукою Ксака.

Король Скиѳскїй, неумѣющїй ни читать ни писать, подарилъ сто лошадей, покрытыхъ попонами изъ черныхъ лисьихъ мѣховъ.

Принцесса потупила глаза̀ противъ своихъ любовниковъ и кланялася съ видомъ смиренїя и благородства.

Белусъ приказалъ проводить сихъ Монарховъ на троны имъ прїуготовленные, для чего не имѣю я трехъ дочерей? сказалъ онъ имъ; я бы здѣлалъ сего дня шесть человѣкъ щастливыми. Потóмъ велѣлъ онъ кидать жеребей, кому первому должно стрѣлять йзъ-лука Нимвродова. Положили въ золотой шлемъ имена трехъ претендентовъ. Короля Египетскаго вышло первое; потóмъ вышло имя Индѣйскаго Короля. Король Скиѳскїй, посмотря на лукъ и своихъ соперниковъ, не тужилъ, что былъ въ третьихъ.

Между тѣмъ, какъ къ симъ славнымъ опытамъ прїуготовленїя происходили, двацать тысячъ пажей и двацать тысячъ молодыхъ дѣвушекъ подавали безъ замѣшательства закуски зрителямъ сидѣвшимъ по мѣстамъ. Весь народъ думалъ, что боги не для чего другаго владѣльцовъ опредѣляютъ, какъ для составленїя ежедневныхъ торжествъ, чрезъ которыя бы можно почерпать увеселенїе, что жизнь чрезвычайно коротка, ежели другимъ образомъ препровождаема будетъ, что тяжбы, ухищренїя, война, споры жрецовъ, снѣдающїе жизнь человѣческую, суть дѣла гнусныя и ужасныя, что человѣкъ рожденъ только для радости, что не любилъ бы увеселенїя страстно и безпрестанно, естьли бы онъ не былъ къ тому рожденъ; что сущность человѣческой природы состоитъ въ наслажденїи веселїя, и что прочее все глупость.

По начатїи сихъ опытовъ, которые должны были рѣшить судьбину Формозанты, молодой чужестранецъ,

ѣдущей верькомъ на единорогѣ въ провожанїи своего слуги на единорогѣ же, держащаго на рукѣ великую птицу, подъѣхалъ къ лобному мѣсту. Караульные удивились, увидя въ семъ экипажѣ человѣка, имѣющаго видъ божества. Это было, какъ послѣ говорили, лице Адонисово на тѣлѣ Геркулесовомъ, величество съ прїятнымъ видомъ. Брови его черныя и бѣлые длинные волосы, смѣшенїе красоты неизвѣстной въ Вавилонѣ, удивили собранїе: весь амфитеатръ поднялся, чтобъ его лучше осмотрѣть: всѣ придворныя дамы устремили на него взоры свои съ великимъ удивленїемъ. Формозанта сама потупившая до сего времени глаза, подняла оные и закраснѣлась: три Короля поблѣднѣли: всѣ зрители, сравнивая Формозанту съ симъ чужестранцемъ, вскричали: что нѣтъ въ свѣтѣ кромѣ сего молодаго человѣка, которой былъ бы толь пригожъ, какъ Принцесса.

Притворники въ превеликомъ удивленїи спрашивали его: Король ли онъ? Чужестранецъ отвѣчалъ имъ, что

онъ сей чести не имѣетъ, но что онъ пріѣхалъ изъ весьма дальней страны изъ любопытства, чтобъ посмотрѣть, есть ли Короли достойные Формозанты. Ввели его въ первое мѣсто амфитеатра, слугу его, двухъ единороговъ и птицу. Онъ поклонился весьма низко Белусу, дочерѣ его, тремъ Королямъ и всему собранію. Потомъ сѣлъ на мѣсто закраснѣвшись. Два единорога легли у его ногъ, птица сѣла ему на плечо, а слуга, имѣя при себѣ небольшей мѣшокъ, сталъ по сторону его.

Опыты начались, выняли изъ золотаго ковчега лукъ Нимвродовъ. Оберъ-Церемонійймейстеръ въ провожаніи пятидесяти пажей, предшествуемъ дватцатью трубачами, поднесъ его Королю Египетскому, которой велѣлъ его благословить своимъ жрецамъ, и положа на голову быку Апису, не сумнѣвался, чтобъ не имѣть сей первой побѣды. Вышелъ посреди лобнаго мѣста, началъ пробовать, истощилъ свои силы, и дѣлалъ такія тѣлодвиженія, которыя привели въ смѣхъ

весь

весь амфитеатрЪ, и заставили улыбнуться и Формозанту.

Главной его жрецЪ подошедЪ кЪ нему сказалЪ: оставьте, Ваше Величество, тщетную сїю честь, принадлежащую только мышкамЪ и становымЪ жиламЪ: впрочемЪ совсѣмЪ вы побѣдите. Вы управитесь со львомЪ, потому что имѣете саблю Озириса. Принцесса Вавилонская должна принадлежать Государю, одаренному наибольшимЪ разумомЪ, а вы отгадали загадки. Она должна вытти замужЪ за наидобродѣтельнѣйшаго, а вы таковЪ есть, потому что были воспитаны Египетскими жрецами. Наищедрѣйшей долженЪ ея имѣть, а вы подарили двухЪ наилучшихЪ крокодиловЪ и крысЪ изо всего Делта. Вы имѣете быка Аписа и книги Гермесовы, наибольшїя рѣдкости вЪ свѣтѣ. Никто не можетЪ вамЪ оспорить Формозанты. Ты правду говоришь, сказалЪ Король Египетской, и возвратился на свой тронЪ.

Подали лукЪ Королю Индѣйскому. ОнЪ натерЪ себѣ отЪ онаго мозоли,

которые въ двѣ недѣли не сойдутъ, и утѣшался въ мысляхъ своихъ тѣмъ, что и Король Скиѳскій не больше его будетъ имѣть щастія.

Король Скиѳскій взялся совсѣмъ иначе за лукъ. Онъ соединилъ искусство съ силою; оной нѣсколько натянулъ, но не могъ его совсѣмъ спустить. Амфитеаръ, коему хорошей видъ сего Государя вливалъ склонныя къ нему мысли, воздыхалъ о маломъ его успѣхѣ, и разсуждалъ, что прекрасная Принцесса никогда не будетъ выдана.

Тогда молодой чужестранецъ тотчасъ вышелъ посреди лобнаго мѣста, и подступя къ Королю Скиѳскому, сказалъ: не удивляйтесь, Ваше Величество, что вы совершенной удачи не имѣли, такія эбеновыя луки дѣлаются въ моей землѣ. Надобно только знать, какъ ихъ употреблять. Вы имѣете гораздо больше достоинства, что могли его натянуть, нежели какъ я могу имѣть, чтобъ его спустить. Тотчасъ взялъ онъ стрѣлу, направилъ на тетиву, натянулъ лукъ

Немвро-

Немвродовъ, и пустилъ стрѣлу гораздо далѣе лобнаго мѣста. Всѣ ударили ему въ ладоши. Вавилонъ наполнился радостными восклицанїями, и всѣ дамы сказали: какое щастїе, что толь пригожей молодой человѣкъ имѣетъ такую силу.

Потомъ вынялъ онъ изъ кармана маленькую дощечку здѣланную изъ слоновыхъ костей, написавъ на ней золотою иглою, привязалъ ея къ луку и все оное поднесъ Принцессѣ съ видомъ, увеселяющимъ всѣхъ присутствующихъ. Потомъ съ постояннымъ видомъ возвратяся, сѣлъ на своемъ мѣстѣ между птицею своею и слугою. Весь Вавилонъ былъ въ удивленїи; три же Короля были въ великомъ смущенїи, а чужестранецъ оказывалъ видъ, какъ будтобы онъ сего совсѣмъ и не примѣтилъ.

Формозанта еще больше удивилась, прочтя на дощечкѣ, изъ слоновыхъ костей привязанной къ луку, сїи стихи писанные самымъ чистымъ Халдейскимъ языкомъ:

Нимвродовъ лукъ войну являетъ;
Лукъ любови щастье предвѣщаетъ;
Вы носите его чрезъ васъ сей Богъ любви,
Всей здѣлался уже властитель онъ земли.
Три сильныхъ Короля хотятъ въ томъ спориться,
Кто будетъ честь имѣть изъ нихъ вамъ нравится.
Не знаю кого въ томъ, ваше сердце предпочтетъ,
Но знаю, ревность тотъ во свѣтѣ произведетъ.

Сей не большей мадригалъ Принцессѣ не былъ досаденъ. Его опорочивали нѣкоторые господа большаго двора, говоря, что иногда въ хорошую погоду сравнивали белуса съ солнцемъ, а Формозанту съ луною, шею ея съ башнею, а грудь съ четверикомъ пшеницы. Они говорили, что чужестранецъ не имѣетъ совоображенія, и что онъ заблуждается въ правилахъ истиннаго стихотворства; но всѣ дамы находили стихи весьма преизрядными. Они удивлялися, что человѣкъ, пущающей толь хорошо стрѣлы изъ лука, имѣетъ и толь много разума. Знатная Принцессина дама сказала ей: вотъ, милостивая государыня, дарованія въ совершенномъ уронѣ, къ чему будетъ служитъ сему молодому человѣку его разумъ и лукъ белусовъ? Чтобъ ему удивлялись,

лись, отвѢчала Формозанта: ахЪ! сказала дама про себя, еще мадригалЪ, и онЪ можетЪ быть любимЪ.

Однако белусЪ посовѢтовавЪ сЪ своими мудрецами, обЪявилЪ, что, какЪ ни одинЪ изЪ трехЪ Королей не могЪ выстрѢлить изЪ лука Нимвродова, то и не можетЪ быть женатЪ на его дочери, и что она будетЪ принадлежать тому, которой управится сЪ большимЪ львомЪ, коего нарочно для того кормятЪ вЪ его звѢринцѢ. Король Египетскїй, будучи воспитанЪ во всей премудрости своей земли, почелЪ, что весьма смѢшно, чтобЪ Король за женидьбу предавался звѢрямЪ. ОнЪ признавался, что обладанїе Формозантою великой цѢны стоило; но естьли левЪ его раздеретЪ, то онЪ на сей прекрасной ВавилонкѢ никогда женатЪ быть не можетЪ. Король Индѣйскїй согласился со мнѢнїемЪ Египтянина; оба вмѢстѢ заключили, что Король Вавилонскїй имЪ смѢется, что надобно вЪ наказанїе ему привесть армїи; что они довольно имѢютЪ подданнымЪ, которые почтутЪ

чтутъ себѣ за великую честь, чтобъ умереть въ службѣ своихъ Государей, такъ что ни одинъ волосъ съ освященныхъ ихъ главъ не погибнетъ, что они удобно могутъ ссадить съ престола Короля Вавилонскаго, и потомъ по жеребью взять прекрасную Формозанту.

Сіи два Короля, заключивъ сей договоръ, отправили каждой въ свою землю нарочныхъ съ повелѣніемъ, чтобъ собрать триста тысячъ человѣкъ арміи, и увесть Формозанту.

Одинъ только Король Скиѳскій сошелъ на лобное мѣсто, имѣя саблю въ рукахъ. Онъ не чрезвычайно былъ плѣненъ прелестьми Формозанты; одно честолюбіе было до сего времени его страстію, оно привело его въ Вавилонъ. Онъ хотѣлъ показать, что хотя Короли Индѣйскій и Египетскій и доволно были разумны, что не предали себя на растерзаніе львамъ, однако онъ напротивъ того имѣлъ столько храбрости, что не презрилъ сего сраженія, и что онъ поправитъ честь діадимы. Рѣдкое его мужество

ство не дозволило ему и употребить себѣ въ помощь своего тигра. Онъ пошелъ одинъ легко вооруженъ, покрытъ стальнымъ шишакомъ, оправленнымъ золотомъ, и закрывшись тремя хвостами бѣлыхъ лошадей подобныхъ снѣгу.

Выпустили противъ его преужаснѣйшаго льва, какой только могъ быть вырощемъ въ горахъ Антиливанскихъ. Ужасные его когти могли вдругъ разтерзать всѣхъ трехъ Королей, а широкой его зѣвъ ихъ проглотить. Страшной его ревъ раздавался по всему амфитеатру. Сїи два гордые соперники одинъ противъ другаго побѣжали. Храброй Скиѳецъ вонзилъ свою саблю въ горло льву, но конецъ уткнувшись въ частые зубы, которые ничемъ проткнуть не можно, съ трескомъ переломился, а чудовище лѣсовъ освирѣпѣвшее отъ своей раны, впустило ужѐ хищные свои когти въ бока Монарха.

Молодой чужестранецъ, будучи тронутъ опасностїю толь храбраго Государя, бросился подобно молнїи на

лобное

лобное мѣсто; отсѣкъ льву голову съ такимъ же искусствомъ, съ какимъ въ нашихъ каруселяхъ молодые кавалеры схватываютъ Арапскїя головы или кольцы.

Потомъ вынявъ маленькую коробочку, поднесъ Королю Скиѳскому, сказавъ: Ваше Величество, найдете въ сей коробочкѣ дѣйствительной диктамъ, (*) растущей въ моей землѣ. Славныя ваши раны въ минуту исцѣлѣютъ. Нечаянной только случай препятствовалъ вамъ побѣдить льва; мужество ваше чрезъ то не меньше удивительно.

Король Скиѳскїй, будучи тронутъ больше благодарностїю, нежели ревностїю, благодарилъ избавителя своего, и съ ласкою его обнявъ, возвратился домой, чтобъ употребить диктамъ къ излеченїю своихъ ранъ.

Чужестранецъ отдалъ львову голову своему слугѣ; оной вымывъ ея въ большемъ фонтанѣ, бывшемъ пониже

(*) Трава. Она двоякая, Критская и простая, которая послѣдняя также ясеннымъ корнемъ называется.

же амфитеатра, и давъ стечь всей кро́ви, вынялъ изъ мѣшка своего желѣзо, вырвалъ онымъ всѣ со́рокъ зубовъ у льва, и вставилъ вмѣсто ихъ со́рокъ алмазовъ равной величины.

Господинъ его съ обыкновеннымъ своимъ постоянствомъ возвратился на свое мѣсто, и отдавъ львову голову птицѣ, сказалъ: прекрасная птица, повергни къ стопамъ Формозанты сей славной знакъ глубочайшаго моего къ ней почтенїя. Птица взявъ въ одну изъ своихъ когтей сей славной знакъ побѣды, полетѣла; она поднесла оной Принцессѣ, преклоня съ уничиженїемъ голову, и простершись передъ нею. Алмазы ослѣпили всѣмъ глаза̀. Не знали еще тогда въ преславномъ Вавилонѣ сего великолѣпїя: изумруды, топасы и сапфиры почитались только наивеликолѣпнѣйшими украшенїями. Белусъ и весь дворъ пришли въ удивленїе, а птица принесшая сей подарокъ, ихъ еще больше удивила. Она была величиною съ орла, но глаза̀ ея были прїятны и веселы, вмѣсто того, что у орла оные

горды

горды и страшны. Носъ ея былъ розоваго цвѣта, и казался имѣть нѣкоторое сходство съ прекраснымъ ртомъ Формозанты. Шея ея представляла всѣ цвѣты Ирисины, но гораздо цвѣтняе и живяе. Золото блистало различными тѣньми на ея перьяхъ. Ноги ея казались смѣшенïемъ серебра и пурпура, а хвостъ прекрасныхъ птицъ, коихъ запрягали потóмъ въ колесницу Юноны, несравнителенъ былъ съ ея хвостомъ.

Примѣчанïе, любопытство, удивленïе, восхищенïе всего двора, раздѣлялись мужду алмазами и птицею. Она сѣла на решетку между Белусомъ и дочерью его Формозантою, которая ея приговаривала, гладила и цѣловала. Оная принимала ласки ея съ удовольствïемъ смѣшеннымъ съ почтенïемъ. Когда Принцесса ея цѣловала, то она ей тѣмъ соотвѣтсвовала, и смотрѣла на нея потóмъ съ жалостнымъ видомъ. Она принимала отъ нея сухари и фисташки когтями своими пурпуровыми и посеребреными, и приносила ко рту, дѣлая видъ весьма удивленïя достойной. Бе-

Белусъ, разсматривая съ примѣчанїемъ алмазы, признавался, что онъ цѣлою своею провинцїею едва можетъ заплатить толь богатой подарокъ. Онъ приказалъ приготовить для сего чужестранца подарки драгоцѣннѣйшїе назначенные для трехъ Монарховъ. Сей молодой человѣкъ, говорилъ онъ, конечно сынъ Короля Китайскаго, или изъ той части свѣта, которую называютъ Европою, и о коей я слыхалъ, или изъ Африки, о которой сказываютъ, что она въ сосѣдствѣ съ королевствомъ Египетскимъ.

Онъ послалъ тотчасъ своего Оберъ-Шталмейстера съ привѣтствїемъ къ сему чужестранцу, и велѣлъ его спросить: Государь ли онъ, или сынъ какого изъ сихъ имперїй Государя, и для чего имѣя толь удивительныя сокровища, прїѣхалъ только съ однимъ слугою и не большимъ мѣшкомъ?

Между тѣмъ, какъ Оберъ-Шталмейстеръ подъѣзжалъ къ амфитеатру, чтобъ исполнить порученное ему дѣло, прїѣхалъ другой слуга на единорогѣ.

нороге. Оной подъехавъ къ молодому человеку, сказалъ: Ормаръ, вашъ родитель, находится теперь при конце своей жизни, и я прiехалъ васъ о томъ уведомить. Чужестранецъ воззревъ на небо, проливалъ слéзы, и отвечалъ только сими словами, *поедемъ*.

Оберъ-Шталмейстеръ, зделавъ присутствiе отъ белуса победителю льва, подарившему сóрокъ алмазовъ, обладателю прекрасной птицы, спросилъ услугй: котораго государства владетель отецъ сего молодаго воина? Слуга отвечалъ: отецъ его престарелой пастухъ весьма любимой въ своей стране.

Между симъ короткимъ разговоромъ чужестранецъ селъ ужè на единорога. Онъ сказалъ Оберъ-Шталмейстеру: Государь мой, удостойте меня повергнуть себя стопамъ белусовымъ и его дщери. Я осмеливаюсь ея просить, чтобъ имела большее попеченiе объ оставленной мною у нея птице; оная также несравненна какъ и она. Выговоря сiи словà, пу-

пустился онъ подобно молнїи; двое слугъ отъ него не отставали, и всѣ тотчасъ изъ виду вонъ вышли.

Формозанта не могла удержаться, чтобъ не произвесть великаго крика. Птица оборотясь къ амфитеатру гдѣ господинъ ея сидѣлъ, весьма казалась быть печальна, что его больше не видитъ. Потóмъ посмотря прилѣжно на Принцессу, и касаясь тихо носóмъ прекрасной ея рукѝ, оказывала видъ тотъ, что предается ея услугамъ.

Белусъ, пришедшей въ наибольшее удивленїе, услышавъ, что сей молодой человѣкъ толь рѣдкаго достоинства, былъ сынъ пастушей, немогъ сему повѣрить. Онъ послалъ за нимъ въ слѣдъ; но вскорѣ принесли ему извѣстїе, что единороговъ, на коихъ сїи три человѣка скачутъ, ни коимъ образомъ догнать не можно, и что по такой скорости имъ въ день сто миль перескакать должно.

§. 2.

Всѣ разсуждали о семъ чудномъ приключенїи, и всякъ имѣлъ тщетныя

ныя о томъ мысли. Какъ могъ пастушей сынъ подарить сорокъ больших алмазовъ? для чего ѣхалъ онъ верьхомъ на единорогѣ? не могли сего понять, и Формозанта лаская свою птицу, погружена была въ глубокихъ размышленїяхъ.

Принцесса Алдея, сестра ея двоюродная, весьма пригожая и красотою почти подобная Формозантѣ, сказала ей: я не понимаю, чтобъ сей молодой полубогъ былъ пастушей сынъ; но мнѣ кажется, что онъ исполнилъ всѣ договоры сопряженные съ вашимъ замужствомъ. Онъ выстрѣлилъ изъ лука Нимвродова, онъ побѣдилъ льва, онъ весьма разуменъ, потому что въ самой скорости изъяснилъ вамъ стихами свое мнѣнїе. По драгоцѣннымъ вамъ подареннымъ алмазамъ не можете вы иначе заключить, чтобъ онъ не былъ найщедрѣйшей человѣкъ. Птица его наибольшая рѣдкость на свѣтѣ. Добродѣтель его безпримѣрна, потому что не смотря на то, что имѣя случай быть съ вами, оставилъ оной, и уѣхалъ какъ скоро только услышалъ о болѣзни своего отца.

отца. Оракулъ во всемъ сбылся, исключая только побѣды его соперниковъ; но онъ еще больше здѣлалъ. Онъ спасъ жизнь изъ нихъ одного, коего ему опасаться было можно; а естли надобность потребуетъ биться съ двумя другими, то думаю, что онъ съ ними легко управится.

Вы справедливо говорите, отвѣчала Формозанта, но возможно ль, чтобъ наибольшей человѣкъ въ свѣтѣ, и может быть наилюбимѣйшей былъ пастушей сынъ?

Знатнѣйшая Принцессина дама вмѣшавшись въ разговоръ, сказала: что весьма часто подъ словомъ пастуха разумѣлись Короли, что ихъ называли пастухами для того, что они довольно голо стригутъ своихъ овецъ, что конечно слуга его сшутилъ дурную шутку, что сей молодой воинъ потому только съ такою малою свитою пріѣхалъ, чтобъ показать, сколь превышаетъ одно его достоинство великолѣпіе Королей, и чтобъ Формозанта имъ только однимъ одолженною была. Принцесса ничего на то

не отвѣчала, а безпрестанно съ нѣжностїю цѣловала свою птицу.

Между тѣмъ прїуготовляемо было великое пиршество для трехъ Королей и для всѣхъ Князей прїѣхавшихъ на празднество. Дочь и племянница Королевскїя должны были составлять главную оного красоту. Поднесли Королямъ подарки достойные великолѣпїя Вавилонскаго. Белусъ, во время сихъ прїуготовленїй, собралъ свой совѣтъ для разсужденїя о супружествѣ прекрасной Формозанты, и говорилъ оному такъ, какъ надобно великому политику, слѣдующимъ образомъ:

Я старъ, я не знаю, что мнѣ больше дѣлать, и за кого выдать свою дочь. Тотъ, которой ея достоинъ, простой только пастухъ. Короли Индѣйскїй и Египетскїй трусы; Король Скиѳскїй мнѣ былъ бы и къ стати, но онъ не исполнилъ ни одного положенного договора. Я иду еще совѣтовать съ оракуломъ; между тѣмъ разсуждайте, и мы потому и рѣшимъ, что оракулъ скажетъ; для того что Государь долженъ поступать по

точному

точному повелѣнію боговъ безсмертныхъ.

И такъ пошелъ онъ въ свою капеллю. Оракулъ по своему обыкновенію отвѣчалъ ему короткими словами: *Дочь твоя не выдетъ прежде за-мужъ, пока не будетъ путешествовать по свѣту.* Белусъ въ превеликомъ удивленіи возвращается къ совѣту и сказываетъ сей отвѣтъ:

Всѣ министры имѣли глубокое почтеніе къ оракуламъ; они единодушно почитали ихъ основаніемъ закона; и полагали, что разсудокъ долженъ молчать предъ ними; что им Государи царствуютъ надъ народ ми, а мудрецы надъ Государями; что безъ оракулей не было бы ни добродѣтели, ни покоя на земли. Наконецъ, оказавъ имъ наиглубочайшее почтеніе, почти всѣ заключили, что сіе повелѣніе несносно, что не должно ему повиноваться; что ничто толь не непристойно для дѣвицы, а особливо для дечери великаго Короля Вавилонского, чтобъ бѣжать, не зная куда; что сіе можетъ быть дѣй-

ствительнымъ препятствїемъ ея замужству, или способомъ къ супружеству тайному, позорному и смѣшному; однимъ словомъ заключили они, что сей оракулъ не имѣетъ общаго смысла.

Младшей изъ министровъ, называемой Онодазъ, имѣющей больше ихъ разума, сказалъ: что оракулъ конечно разумѣетъ нѣкоторое путешествїе изъ благоговѣнїя, и для того обязывается онъ быть Принцессѣ предводителемъ. Совѣтъ согласился на его мнѣнїя, но всякой хотѣлъ быть проводникомъ. Король рѣшилъ, что Принцесса можетъ ѣхать на триста миль Персидскихъ по дорогѣ къ Аравїи въ храмъ, о коего святости носилась слава, что онъ къ щастливымъ замужствамъ дѣвицамъ помогаетъ, и что старшему изъ совѣта должно быть ея проводникомъ. Послѣ сего рѣшенїя пошли ужинать.

§. 3.

Посреди садовъ между двумя каскадами возвышался великой залъ оваломъ

ломъ на триста шаговъ въ дїаметрѣ, котораго сводъ небесной, изпещренной звѣздами золотыми, представлялъ все созвѣздїе съ планетами, каждая въ своемъ настоящемъ мѣстѣ; и сей сводъ вертѣлся такъ какъ небо махинами также невидимыми, какъ и тѣ, кои движенїями небесными управляютъ. Сто тысячъ восковыхъ свѣчь въ хрустальныхъ и минеральныхъ цилиндрическихъ фигурахъ освѣщали наружность и внутренность залы. На буфетѣ съ уступами поставлено было двадцать тысячъ сосудовъ или блюдъ золотыхъ, а напротивъ буфета на другихъ уступахъ сидѣло премножество музыкантовъ. Еще два амфитеатра уставлены были одинъ плодами всякаго рода, другой великими бутылями и хрустальными съ винами всѣхъ сортовъ, какїе только есть на свѣтѣ.

Гости сѣли около стола фигурнаго украшеннаго цвѣтами и плодами здѣланными изъ дорогихъ каменьевъ. Прекрасная Формозанта сидѣла между Королями Индѣйскимъ и Еги-

петскимъ, Принцесса Алдея подлѣ Короля Скиѳского. было тритцать Князей, и каждой изъ нихъ сидѣлъ подлѣ одной изъ прекраснѣйшихъ придворныхъ домъ. Король Вавилонской сидѣлъ въ самой срединѣ противъ дочери, и казался быть раздѣленъ между печалїю, что не могъ ея выдать за́-мужъ, и веселїемъ, что еще ея при себѣ имѣетъ. Формозанта просила у него позволенїя, чтобъ посадить свою птицу на столѣ подлѣ себя. Король оное съ удовольствїемъ позволилъ.

Музыка зайгравшая дала совершенную свободу каждому Государю разговаривать съ своею дамою. Пиршество было столь же прїятно, какъ и великолѣпно. Поставили предъ Формозанту раго, которую Король, ея родитель, весьма любилъ. Принцесса сказала, что должно ея отнесть предъ его Величество; птица схватила тотчасъ блудо съ удивительнымъ искусствомъ, и поднесла оное Королю. Никогда у́жинъ толь удивителенъ не былъ. Белусъ столько же ея ласкалъ,

скалъ, какъ и дочь его. Птица полетѣла къ ней назадъ. Она на полетѣ распустила свой прекрасной хвостъ, крылья ея распущенныя представляли найлучшые цвѣты, золотыя ея перья дѣляли такой блескъ, что всѣхъ глаза обратились только на нея. Музыканты переставъ играть, смотрѣли на нея съ изумленiемъ. Никто не ѣлъ и не говорилъ ни слова, а только удивлялся. Принцесса Василонская цѣловала ея во время всего ужина, не помысляя совсѣмъ, есть ли Государи на свѣтѣ. Короли Индѣйскiй и Египетскiй почуствовали умноженiе своей досады и огорченiя, и чтобъ тѣмъ скоряе исполнить свое мщенiе, обѣщали другъ другу поспѣшить маршемъ своихъ трехъ сотъ тысячь человѣкъ.

Король же Скиөскiй напротивъ того упражненъ былъ въ разговорахъ съ прекрасною Алдеею: будучи надменъ, пренепрегалъ онъ безъ досады холодность Формозанты, и оказывалъ къ ней больше безпристрастiя, нежели огорченiя. Она прекрасна,

 гово-

говорилъ онъ: я признаюся, но она, мнѣ кажется, изъ числа тѣхъ женщинъ, которыя только помышляютъ о своей красотѣ, и думаютъ, что родъ человѣческой имъ долженъ великою благодарностїю, когда они удостоятъ себя публично показать. Въ моей землѣ идоловъ не почитаютъ. Я бы лучше любилъ дурную женщину снисходительную и ласкавую, нежели какъ сїю прекрасную статую. Вы имѣете, государыня моя, столько же прїятностей, какъ и она, а удостоиваете иностранныхъ вашего обхожденїя. Я вамъ признаюсь откровенно, такъ какъ Скиѳецъ, что я васъ сестрицѣ вашей предпочитаю. Однако онъ ошибался въ нравѣ Формозанты; она не такъ была горда, какъ казалась; но привѣтствїе его весьма изрядно было принято Принцессою Алдееею. Разговоръ ихъ сталъ весьма важенъ: они были чрезвычайно доволны, и ужѐ увѣрены другъ о другѣ, пока еще изъ за стола не вышли.

Послѣ ужина пошли прогуливаться въ рощи. Король Скиѳскій и Алдея не оставили, чтобъ не сыскать себѣ уединеннаго мѣста. Алдея будучи весьма откровенна, говорила сему Государю слѣдующимъ образомъ:

Я сестру мою не ненавижу, хотя она прекраснѣе меня, и назначена для престола Вавилонскаго: честь ту, что я вамъ понравилась, вмѣняю я себѣ вмѣсто прелестей. Я предпочитаю Скиѳское государство съ вами коронѣ Вавилонской безъ васъ. Но сія корона принадлежитъ мнѣ по правамъ, естьли оныя есть на свѣтѣ; потому что я произхожу изъ старшей линіи Нимвродовой, а Формозанта изъ младшей. Дѣдъ ея ссадилъ моего дѣда съ престола и велѣлъ его умертвить.

Такая - то сила родства въ Королевской фамиліи Вавилонской! сказалъ Скиѳецъ. Какъ назывался вашъ дѣдъ? Онъ назывался Алдей, также какъ и я; отецъ мой имѣлъ такое же имя. Онъ сосланъ былъ въ ссылку съ матерью моею въ наиотдален-

нѣйшїй край государства, и белусъ послѣ ихъ смерти, не имѣя никакой опасности отъ меня, велѣлъ меня воспитать при своей дочерѣ; однако положилъ немѣренїе, чтобъ меня никогда не выдавать за́-мужъ.

Я хочу отмстить за вашего родителя, дѣда и за васъ, сказалъ Король Скиѳскїй. Я вамъ за то отвѣчаю, что вы будете за́-мужемъ. Я васъ послѣзавтра на разсвѣтѣ увезу, потому что завтра съ Королемъ Вавилонскимъ должно обѣдать, и потóмъ возвращусь для защищенїя вашего права съ тремя стами тысячами человѣкъ армїи. Я сего охотно желаю, сказала прекрасная Алдея, и давъ другъ другу честное слово, разсталисъ.

Прекрасная Формозанта давно ужè ушла спать. Она велѣла поставить подлѣ своей постéли не большое померанцовое дерево въ серебреномъ горшкѣ для покоя своей птицѣ, и хотя завѣсъ у постéли былъ и закрытъ, однако заснуть не могла. Сердце ея и воображенїе довольно были возбуждены.

дены. Прекрасной чужестранецъ преставлялся ея глазамъ; она воображала себѣ его пускающаго стрѣлу изъ лу́ка Нимвродова, смотрѣла на него, какъ льву голову отсѣкъ, повторяла его мадригалъ; наконецъ взирала на него, какъ онъ изъ кучи верьхомъ на своемъ единорогѣ, ускакалъ; и тутъ то начала̀ изпускать тяжкїе вздохи; и вскричала въ слезахъ, и такъ я его никогда не увижу, онъ не возвратится.

Онъ, милостивая государыня, возвратится, отвѣчала ей птица, сидѣвшая на померанцовомъ деревѣ, можно ль, чтобъ васъ увидѣвъ, не желать опять увидѣть?

О небо! О вѣчныя могущества! Птица моя говоритъ самымъ чистымъ халдейскимъ языкомъ! Выговоря сїи слова̀, открыла она завѣсъ, подняла къ верьху ру́ки, и стала на постелѣ на колѣна: богъ ли ты снизшедшей на землю? Великой ли ты Орозмадъ, скрытой подъ сими прекрасными перьями? Естьли ты богъ, то возврати мнѣ сего молодаго красавца.

Я только летучее созданіе, отвѣчала она; но я родилась въ то время, когда еще всѣ звѣри говорили, и когда птицы, змѣи, ослицы, лошади и грифы съ людьми дружелюбно разговаривали. Я не хотѣла говорить при всѣхъ, опасаясь, чтобъ придворныя ваши дамы не почли меня за колдуна: я хочу вамъ только открыться.

Формозанта, пришедшая въ великое смятеніе и смущеніе отъ такихъ чудесъ, побуждена была чрезвычайнымъ желаніемъ, чтобъ вдругъ здѣлать ей премножество вопросовъ; и такъ тотчасъ спросила ея, сколько ей лѣтъ? двадцать семь тысячъ девять сотъ лѣтъ и шесть мѣсяцовъ, милостивая Государыня; я начинаю мое происхожденіе вмѣстѣ съ малымъ теченіемъ неба, что ваши мудрецы называютъ равноденствіемъ и равнонощіемъ, и кое почти въ двадцать восемь тысячъ вашихъ лѣтъ совершается. Есть еще несравненно должайшія теченія, и потому у насъ бываютъ твари гораздо

ста-

старѣе меня. Дватцать двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, какъ я выучилась по Халдейски во время одного изъ моихъ путешествїй; я всегда имѣла большую склонность къ Халдейскому языку; но другїе звѣри мои сотоварищи отреклись, чтобъ въ вашихъ странахъ не говорить. — А для чего это божественная моя птица? — Ахъ! для того, что люди приняли наконецъ обыкновенїе, чтобъ насъ ѣсть, вмѣсто того, чтобъ съ нами обходиться, и разпространять свои знанїя въ нашемъ обхожденїи. Варвары, не должны ли они быть увѣрены, что мы имѣемъ тѣже возможности, какъ и они, тѣже чувства, тѣже нужды, тѣже желанїя, мы бы имѣли тоже самое, что называется душа, такъ какъ и они; мы были бы ихъ братья, а должно было бы варить и ѣсть только злыхъ? Мы ваши братья потому, что великое существо, существо вѣчное и основатель въ положенной съ людьми завѣтъ (*) насъ точно включилъ. Онъ за-

(*) Смотри гл. 9. первой книги Моисеевой и главы 3. 18. и 19. Эклесїаста.

запретилъ намъ питаться вашею кровїю, а намъ сосать вашу.

Басни древняго вашего Локмана, переведенныя на многїе языки, будутъ вѣчнымъ свидѣтельствомъ благополучнаго обхожденїя, которое вы напредь сего съ нами имѣли. Они всѣ начинаются сими словами: *Во время то, какъ звѣри говорили.* Правда, что есть между вами много женщинъ, которыя всегда разговариваютъ съ своими собаками, но они вознамѣрились, чтобъ ничего не отвѣтствовать съ того времени, какъ ихъ стали арапниками принуждать, чтобъ бѣгать на охоту, и быть участниками смертоубивства древнихъ нашихъ общихъ прїятелей, оленей, дикихъ козъ, зайцовъ и рябчиковъ.

У васъ есть еще древнїе стихи, въ которыхъ лошади говорятъ, и кучеры ваши съ ними разговариваютъ всякой день, но съ такою грубостїю, и такими ругательными словами, что лошади, которыя васъ прежде любили, къ вамъ нынѣ отвращенїе имѣютъ.

Земля,

Земля, въ которой живетъ прекрасной вашъ чужестранецъ, наисовершеннѣйшій изъ смертныхъ, осталась только одна, въ которой полъ вашъ разумѣетъ еще нашъ полъ любить, и съ нимъ разговариватъ, и въ одной только сей странѣ изо всего свѣта люди справедливы.

А гдѣ сія земля любѣзнаго моего чужестранца? Какъ зовутъ сего воина? Какъ называется его государство? Я ужѐ больше не повѣрю, чтобъ онъ былъ пастухъ, такъ какъ я не вѣрю, чтобъ ты была летучая мышъ.

Земля его, милостивая государыня, называется земля Гангаридовъ. Народъ добродѣтельной и непобѣдимой обитающей на восточныхъ берегахъ Ганги. Имя моего друга, Амацанъ, онъ не-Король; и я не знаю, захотѣлъ ли бы онъ такъ себя унизить, чтобъ и быть Королемъ; онъ весьма любитъ своихъ одноземцовъ; онъ пастухъ такой же, какъ и они. Но не подумайте, чтобъ сіи пастухи похожи были на вашихъ, которые

рые едва прикрыты раздранными рубищами, пасутъ овецъ несравненно лучше ихъ одѣтыхъ, воздыхаютъ подъ игомъ бѣдности, и удѣляютъ еще собирателю податей половину малѣйшей платы, получаемой отъ своихъ господъ. Пастухи Гангаридскіе, рожденные въ совершенномъ равенствѣ, обладаютъ стадами безчисленными покрывающими поля ихъ навсегда цвѣтущія. Ихъ никогда не бьютъ: сіе почитается за ужасной проступокъ въ Гангаридскихъ странахъ, чтобъ бить и ѣсть равнаго себѣ. Шерсть ихъ, которая гораздо тонкѣе и лучше самаго хорошаго шелку, составляетъ наибольшей торгъ въ востокѣ. Впрочемъ земля Гангаридская производитъ все то, что можетъ льстить желаніямъ человѣческимъ. Большіе алмазы, которые Амацанъ имѣлъ честь вамъ поднести, изъ одной горы ему принадлежащей. Такихъ единороговъ, на какомъ вы его видѣли ѣхавшаго верьхомъ, Гангориды обыкновенно для ѣзды употребляютъ. Сей звѣрь наилучшей,

наи-

наигордѣйшей, наижесточайшей и наисмиреннѣйшей украшающей землю. Довольно было бы ста Гангаридовъ и ста единороговъ для разбитія безчисленныхъ армій. Двѣсти лѣтъ тому назадъ, какъ одинъ Индѣйской Король столько былъ глупъ, что захотѣлъ покорить себѣ сей народъ: онъ пришелъ съ десятью тысячами слоновъ и съ миліономъ воиновъ. Единороги произили слоновъ такъ, какъ я видѣла на столѣ вашемъ жаворонковъ нацепленныхъ на золотыхъ вертелахъ; а воиновъ посѣкли Гангариды саблями своими, подобно какъ восточные народы посѣкаютъ на поляхъ своихъ растущее пшено сорочинское. Короля взяли въ полонъ болѣе нежели какъ съ шестью стами тысячами человѣкъ. Омыли его въ цѣлительныхъ водахъ Гангаридскихъ и предписали ему діэту обыкновенную въ сей землѣ, которая состоитъ въ томъ, чтобъ питаться только произращеніями, кои естество въ изобиліи произвело для насыщенія всего того, что дыханіе имѣетъ. Люди, пи-

питающїеся мясомъ и употребляющїе крѣпкїе напитки, всѣ имѣютъ кровь острую и сожженную, которая ихъ дѣлаетъ во многихъ случаяхъ дураками. Главное ихъ дурачество состоитъ въ жестокости, чтобъ проливать кровь своихъ ближнихъ, и раззорять плодоносныя степи, чтобъ обладать погостами. Шесть мѣсяцовъ лечили Индѣйскаго Короля отъ его болѣзни. Какъ лекари наконецъ усмотрѣли, что пульсъ и разсудокъ его стали приходить опять въ порядокъ, то подали они объ ономъ свидѣтельство совѣту Гангаридскому. Оной призвавъ въ согласїе единороговъ, человѣколюбно отослалъ назадъ въ свою землю Короля Индѣйскаго, глупой его придворной штатъ и безсильныхъ воиновъ. Сїе поученїе здѣлало ихъ разумными, и съ того времени Индѣйцы почитали Гангаридовъ такъ, какъ у васъ ничего еще неумѣющїе и желающїе обучаться, почитаютъ Философовъ Халдейскихъ, съ коими они не могутъ сравниться. Скажи мнѣ, любезная моя птица, спросила Принцесса,

цесса, естьли какой законъ у Гангаридовъ? —— Есть ли законъ? Милостивая государыня, мы собираемся воздавать благодарность богу въ дни полной луны; мущины въ большей храмъ кедровой, а женщины въ другой, чтобъ не имѣть разсѣянныхъ мыслей; всѣ птицы въ рощу, а четвероногія на прекрасной зеленой лугъ. Мы благодаримъ бога за всѣ благодѣянія намъ оказываемыя. Сверьхъ того имѣемъ мы попугаевъ, которые чрезвычайно хорошо сказываютъ предики.

Такое-то отечество любезнаго моего Амацана, тамъ-то я живу; я столькоже имѣю къ нему пріязни, сколько онъ вамъ вперилъ любви. Естьли вы мнѣ въ томъ повѣрите, то мы поѣдемъ вмѣстѣ, и вы ему возвратите посѣщеніе здѣланное отъ него вамъ.

Ты по справедливости, любезная моя птица, изрядную должность отправляешь, отвѣтствовала Принцесса улыбнувшись, которая горѣла желаніемъ, чтобъ отправиться въ сей

путь,

путь, но не хотѣла о томъ вызваться. Я служу моему пріятелю, сказала птица, и по щастіи томъ, чтобъ васъ любить, почитаю я за наибольшее, чтобъ способствовать взаимной вашей любви.

Формозанта не знала отъ радости что дѣлать, и почитала себя вознесенною до небесъ. Все, что она въ сей день видѣла, все то, на что еще глядѣла, все то, что слышала, а особливо, что въ сердцѣ своемъ чувствовала, привело ея въ восхищеніе гораздо превосходящее того, которое нынѣ чувствуютъ благополучные музулманы, когда свободясь отъ земныхъ узъ, видятъ себя въ девятомъ небѣ въ объятіяхъ своихъ Урисовъ, окруженныхъ и преисполненныхъ славою и благополучіемъ небеснымъ.

§. 4.

Она всю ночь препроводила въ разговорахъ о Амаданѣ. Называла его неиначе, какъ своимъ пастухомъ; и съ сего то времени пастухъ и любовникъ начали имѣть у нѣкоторыхъ народовъ всегда равное названіе.

То

То спрашивала она у птицы, имѣлъ ли Амазанъ другихъ любовницъ; и какъ оная ей отвѣтствовала, что не имѣлъ, то она тому несказанно радовалась. То любопытствовала она, чемъ онъ время провождаетъ, и слышала съ великою радостїю, что онъ употребляетъ оное, чтобъ дѣлать добро, поправлять искусства, испытывать тайности естества, и приводить въ совершенство свое бытїе. То хотѣла она знать, душа ея птицы такого лъ же свойства, какъ и ея любовника, для чего жила она близъ дватцати осми тысячъ лѣтъ, вмѣсто того, что ея любовнику не болѣе осмнатцати или девятнатцати лѣтъ. Она дѣлала множество сему подобныхъ вопросовъ, на которые птица отвѣтствовала съ такою скромностїю, которая оскорбляла ея любопытство. Наконецъ сонъ затворилъ глаза, и повергъ Формозанту сладкому воображенїю чрезъ посланныхъ богами, которые иногда и самое дѣйство превосходятъ, и коя вся Философїя Халдеевъ едва можетъ изтолковать.

Фор-

Формозанта пробудилась весьма поздно. Лишь только она проснулась, какъ Король, ея отецъ, вошелъ къ ней въ покои. Птица приняла Его Величество съ учтивостїю соединенною съ почтенїемъ, встрѣтила его, била крыльями, протягивала шею, и сѣла на свое померанцовое дерево. Король сѣлъ на постѣлю своея дочери, которая послѣ сна еще прекраснѣе казалась. Великая его борода коснулась сему прекрасному лицу, и поцѣловавъ его два раза, говорила слѣдующїя слова:

Любезная моя дочь, ты не могла противъ чаянїя моего найти вчера мужа, однако тебѣ оной надобенъ; благополучїе моего государства того требуетъ. Я совѣтовалъ съ оракуломъ, которой, какъ ты знаешь, никогда не лжетъ, и которой управляетъ всѣ мои поступки. Онъ мнѣ приказалъ, чтобъ пустить тебя ѣздить по свѣту. Надобно тебѣ путешествовать. —— Ахъ! конечно къ Гангаридамъ; сказала Принцесса, и выговоря нечаянно сїи слова, спохватилась,

лась, что дурно сказала. Король не зная совсѣмъ Географїи, спросилъ ея: что она чрезъ Гангаридовъ разумѣетъ? Однако она нашла способъ себя поправить. Король увѣдомилъ ея, что должно ей отправиться въ путь для моленїя, что онъ ужѐ назначилъ особъ къ ея препровожденїю: старшаго изъ государственныхъ членовъ, главнаго жреца, придворную даму, лекаря, аптекаря и птицу ея съ пристойнымъ числомъ служителей.

Формозанта, которая никогда изъ покоевъ Короля, своего родителя, не выходила, и которая до прїѣзда трехъ Королей и Амацана вела жизнь весьма принужденную въ предѣлахъ великолѣпїя и въ внѣшнемъ видѣ веселостей, обрадовалась услыша о своемъ путешествїи. Можетъ быть, помышляла она, боги влїяютъ и любезному моему Гангариду тоже желанїе, чтобъ ѣхать въ тотже храмъ, и можетъ быть я буду имѣть щастїе, видѣвъ сего странствующаго? Она весьма ласкавымъ образомъ благодарила родителя своего, сказавъ

ему, что она всегда имѣла тайное почтенїе къ сему святому, къ которому ея посылаютъ.

Белусъ здѣлалъ великолѣпной обѣдъ для своихъ гостей, на которомъ были только мущины и всѣ люди между собою весьма несогласные; Короли, Князья, Министры, знатнѣйшее духовенство, всѣ были наполнены ревностїю одинъ противъ другаго: всѣ говорили съ разборомъ; всѣ заботились о своихъ сосѣдяхъ и о самихъ себѣ. Обѣдъ былъ скученъ, хотя и много пили. Принцессы остались въ своихъ покояхъ, будучи каждая изъ нихъ въ мысляхъ о своемъ отъѣздѣ и кушали особливо. Потóмъ пошла Формозанта гулять въ садà съ любезною своею птицею, которая для увеселенїя ея съ дéрева на дерево перелетывала, распущая свой прекрасной хвостъ и прелестныя свои перья.

Король Египетскїй разгорячась виномъ, я не хочу сказать, напившись, спросилъ лýка и стрѣлъ у своего пажа. Сей Государь въ самомъ дѣлѣ былъ

былЪ наинеискуснЕйшій стрЕлокЪ вЪ своемЪ государствЕ. Естьли онЪ вЪ цЕль стрЕлялЪ, то мЕсто, вЪ которомЪ чаешь быть наибольше вЪ безопасности, было точно то, на которое онЪ цЕлилЪ. Прекрасная же птица лЕтая толь же быстро, какЪ и стрЕла, сама на нея на летЕла, и совсЕмЪ окровавленна упала вЪ ру́ки Формозанты. ЕгиптянинЪ глупымЪ смЕхомЪ засмЕявшись, возвратился вЪ свои покои. Принцесса начала̀ преужасной крикЪ и вопль и била себя вЪ грудь. Птица умирая, тихо ей сказала: сожги меня и пепелЪ мой непремЕнно отвези кЪ щасливой Аравіи кЪ востоку древняго го́рода Едема, и поставь его на солнце на небольшой костерЪ изЪ гвоздики и корицы. Выговоря сіи слова̀, она умерла. Формозанта лежала долгое время вЪ обморокЕ; и хотя наконецЪ и пришла опять вЪ чувство, но испускала безпрестанно вздохи и проливала слéзы. Родитель дЕля ея печаль, и кленя Короля Египетскаго, не сумнЕвался, чтобЪ сей случай

чай не предвѣщалъ впредь какого нещастливаго слѣдствія. Онъ тотчасъ пошелъ въ свою капельлю совѣтовать съ оракуломъ. Оракулъ отвѣчалъ: *Смѣшеніе всего, смерть живая, невѣрность и постоянство, уронъ и прибыль, нещастія и благополучіе.* Ни онъ, ни совѣтъ его не могли изъ сего ничего понять; но наконецъ былъ онъ доволенъ тѣмъ, что исполнилъ должности своего благоговѣнія.

Рыдающая его дочь во время то, какъ онъ совѣтовалъ съ оракуломъ, велѣла птицѣ оказать послѣднюю честь такъ, какъ она приказывала, и вознамѣрилась, чтобъ свезти ея въ Аравію, хотябы и жизнь свою опасности подвергла. Она сожжена была и съ померанцовымъ деревомъ, на которомъ сидѣла, въ незгораемомъ полотнѣ. Принцесса собрала пепелъ ея въ небольшей золотой сосудъ, осыпанной карбункулами и алмазами, вынятыми изъ челюстей львовыхъ. Для чего не могла она, вмѣсто того, чтобъ исполнять сію жалостную должность,

жность, совсѣмъ живаго зжечь несноснѣйшаго Короля Египетскаго! Вотъ въ чемъ все ея желанiе состояло. Въ огорченiи своемъ велѣла она убить двухъ его крокодиловъ, морскихъ лошадей и крысъ, а двѣ его мумiи велѣла бросить въ Эфратъ; естьли бы она вола его Аписа имѣла въ своей власти, то бы и онаго не пощадила.

Король Египетскiй, будучи тронутъ симъ поруганiемъ, тотчасъ поѣхалъ, чтобъ приказать поспѣшать своимъ тремъ стамъ тысячамъ человѣкамъ. Король Индѣйскiй, видя скорой отъѣздъ своего союзника, поѣхалъ и самъ тогоже дня въ непремѣнномъ намѣренiи, чтобъ соединить свои триста тысячъ человѣкъ Индѣйцовъ съ армiею Египетскою. Король Скиѳскiй уѣхалъ ночью съ Принцессою Алдеею, твердо вознамѣрясь, чтобъ приступя съ тремя стами тысячами Скиѳовъ, за нея биться и возвратить ей наслѣдство Вавилонское, принадлежащее по произхожденiю ея изъ старшей линiи.

Формозанта съ своей стороны отправилась въ три часа поутру съ свитою своею въ путешествїе для моленїя, льстясь, что она можетъ быть и въ Аравїи, чтобъ исполнить послѣднюю волю своей птицы, и что справедливость безсмертныхъ боговъ возвратитъ ей любезнаго ея Амацана, безъ котораго она болѣе жить не могла.

И такъ Король Вавилонскїй проснувшись никого ужѐ не нашелъ. Какъ только оканчиваются великїя празнества! сказалъ онъ, и какъ оставляютъ они по себѣ пустое удивленїе въ мысляхъ, когда шумъ пройдетъ! Но онъ подвигнутъ былъ на гнѣвъ дѣйствительно Королевскїй, увѣдомясь, что увезли Принцессу Алдею. Онъ приказалъ разбудить всѣхъ своихъ Министровъ и собрать совѣтъ. Во ожиданїи ихъ не оставилъ онъ, чтобъ не посовѣтовать съ своимъ оракуломъ, но не могъ отъ него инаго отвѣта получить, кромѣ сихъ словъ, толь славныхъ напослѣдокъ во всемъ свѣтѣ: *Когда дѣвицъ не пыдашь*

дашь за́-мужъ, то они сами за́-мужъ пыдутъ.

Тотчасъ отданъ былъ приказъ, чтобъ выступить въ маршъ тремъ стамъ тысячамъ человѣкамъ противъ Короля Скиѳскаго. Вотъ война наижесточайшая загорѣвшаяся со всѣхъ сторонъ, произшедшая отъ увеселенія наилучшаго празднества, каковы бывали на землѣ. Азїя готовится быть опустошена четырмя армїями, состоящими каждая изъ трехъ сотъ тысячъ человѣкъ. Можно лехко понять, что война Троянская, удивляющая свѣтъ нѣсколько вѣковъ послѣ того въ сравненїи сей, ничто иное была, какъ дѣтская игра; но должно также разсудить, что война Троянская произошла только отъ престарѣлой женщины весьма своевольной, которая позволила себя увезть два раза, а сїя напротивъ того отъ двухъ дѣвицъ и отъ одной птицы.

Король Индѣйскїй поѣхалъ дожидаться своей армїи на большой и преизрядной дорогѣ пролегаемой тогда прямо отъ Вавилона въ Кашемиру.

Король Скиѳскій бѣжалъ съ Алдеею прекраснымъ путемъ ведущимъ къ горѣ Иммаусъ. Всѣ сіи дороги потомъ пропали чрезъ дурное правленіе. Король Египетскій обратился къ западу и продолжалъ путь свой по берегу малаго моря Средиземнаго, которое потомъ несмысленные Евреи великимъ моремъ назвали.

Прекрасная же Формозанта ѣхала по дорогѣ къ бассорѣ, усажденной высокими пальмовыми деревьями, которыя дѣлами безпрестанную тѣнь, и произносили плоды во всѣ времена года. Храмъ, куда она для моленія ѣхала, былъ въ самой бассорѣ; святой, которому сей храмъ посвятили, почти былъ равенъ боготворенному потомъ въ Лампзакѣ. Онъ не токмо доставлялъ мужей дѣвицамъ, но и самъ часто бывалъ вмѣсто мужа. Сего святаго во всей Ассіи наиболѣше почитали.

Формозанта ни мало не пеклась о святомъ бассорскомъ; она призывала только любезнаго своего пастуха Гангаридскаго, прекраснаго своего Амацана,

воз-

вознамѣрилась сѣсть въ бассорѣ на корабль, и ѣхать въ щастливую Аравїю, чтобъ исполнить повелѣнное умершею птицею.

На третьемъ ночномъ наслѣгѣ, лишь только вошла она въ трахтиръ, въ которомъ служителями ея все для ея было приготовлено, какъ она увѣдомилась, что и Король Египетскїй тудаже прїѣхалъ. будучи увѣдомленъ о путешествїи Принцессиномъ чрезъ своихъ шпїоновъ, тотчасъ перемѣнилъ свой путь въ провожанїи многочисленнаго прикрытїя. Прїѣхавъ велѣлъ онъ поставить часовыхъ у всѣхъ воротъ, вошелъ въ покой прекрасной Формозанты, и сказалъ ей: государыня моя, васъ то я дѣйствительно и искалъ; вы въ бытность мою въ Вавилонѣ весьма мало о мнѣ думали. Справедливость требуетъ, чтобъ наказывать спесивыхъ и упрямыхъ: пожалуйте, естьли вамъ угодно, отужинайте сего вечера со мною. Вы не будете имѣть иной постѣли, кромѣ моей, и я буду поступать съ вами по моему удовольствїю.

Формозанта довольно могла видѣть, что она противъ его была безсильна: она знала, что здравой разсудокъ состоитъ въ томъ, чтобъ поступать посвоему состоянїю. И такъ взяла мѣры, чтобъ свободиться отъ Короля Египетскаго невинною хитростїю. Она посмотря на него нѣсколько покосившись, что многїе вѣки потóмъ назывались смотрѣть любовнымъ взоромъ, (*) началà ему съ цѣломудрїемъ, прїятностїю, ласкою, смущенїемъ, и съ такою прелестїю, которая наиразумнѣйшаго здѣлала бы дуракомъ, и наипрозорливѣйшаго бы ослѣпила говорить слѣдующїя словà:

Я вамъ, государь мой, признаю́сь, что предъ вами всегда потупляла глазà, когда вы здѣлали честь Королю, моему родителю, вашимъ къ нему прїѣздомъ. Я опасалась моего се́рдца и сущей моей простоты; я тряслась, чтобъ мой родитель и ваши соперники не примѣтили предпочтенїя, которое вы столь много заслуживаете. Я теперь могу предаться

(*) lorgnez.

даться моимъ чувствамъ. божусь воломъ Announcementисомъ, котораго послѣ васъ больше всего на свѣтѣ почитаю, что ваши требованія меня чрезвычайно плѣнили. Я ужѐ у́жинала съ вами у Короля, моего родителя; буду такжѐ ужинать и здѣсь, хотя его и нѣтъ съ нами. Все то, о чемъ я васъ прошу, чтобъ вашъ главной жрецъ пилъ съ нами: Онъ показался мнѣ въ Вавилонѣ весьма хорошимъ гостемъ; я имѣю преизрядное Хиражское вино, и хочу васъ обѣихъ онымъ попотчивать. Что принадлежитъ до вашего втораго требованія, то оное весьма прелестно, но неприлично дѣвицѣ хорошаго воспитанія объ ономъ говорить: довольно, когда вы будете знать, что я васъ почитаю наибольшимъ изъ Государей и наилюбезнѣйшимъ изъ людей.

Сія рѣчь весьма тронула Короля Египетскаго. Онъ съ охотою желалъ, чтобъ главной жрецъ былъ также участникомъ. Я еще хочу просить у васъ милости, сказала ему Принцесса, чтобъ позволить моему аптекарю со мною поговорить. Дѣвицы имѣютъ

ютъ всегда нѣкоторые не большїе припадки, требующїе пóмощи, какъ: дурноты въ головѣ, бїенїе сéрдца, колики, удушья, отъ которыхъ должно въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ извѣстныя лекарства употреблять, словомъ: я имѣю необходимую нужду въ моемъ аптекарѣ, и надѣюсь, что вы мнѣ не откажете сего малаго знака вашей любви.

Государыня моя, отвѣчалъ ей Король Египетскїй: хотя намѣренїя аптекарскаго искусства и совсѣмъ противны моему, однако я довольно свѣтъ знаю, чтобъ вамъ въ толь справедливой прозьбѣ отказать. Я тотчасъ прикажу ему къ вамъ быть между тѣмъ, пока ýжинъ готовятъ. Я разумѣю, что вы отъ дорóги нѣсколько обезпокоились, думаю также, что вамъ есть надобность и въ придворныхъ вашихъ дамахъ. Вы можете приказать быть той, отъ которой больше себѣ услуги надѣетесь; а я между тѣмъ буду ожидать вашихъ повелѣнїй и вашего покоя. Онъ вышелъ, аптекарь и придворная

дама,

дама, именемъ Ирла, пришли. Принцесса имѣла къ ней совершенную довѣренность. Она ей приказала принесть шесть бутылокъ Хиражского вина къ ужину, и поднесть онаго всѣмъ часовымъ, у которыхъ ея служители были подъ карауломъ; потомъ велѣла она аптекарю положить во всѣ бутылки такихъ лекарствъ изъ его аптеки, отъ которыхъ сутки спать должно, и коими всегда онъ былъ снабденъ. Сїе повелѣнїе совершенно было исполнено. Черезъ полчаса пришелъ опять Король съ главнымъ жрецомъ. Ужинъ былъ весьма веселъ; они оба выпили всѣ шесть бутылокъ, и признавались, что не было толь хорошаго вина въ Египтѣ. Придворная дама употребила старанїе, чтобъ поднесть онаго и лакеямъ, бывшимъ при столѣ для услуженїя; Принцесса жъ крайнѣ опасалась, чтобъ онаго не пить, сказывая, что лекарь ей велѣлъ наблюдать дїэтъ. Всѣ скоро заснули.

Главной жрецъ Короля Египетскаго имѣлъ наилучшую бороду,

которою только человѣкъ такого рода носить могъ. Формозанта ея весьма искуснымъ образомъ отрѣзала, и пришивъ на ленточку, привязала къ своему подбородку. Она надѣла на себя платье сей духовной особы, взяла всѣ знаки его достойнства, одѣла свою придворную даму въ платье дьячка богини Изисъ. Потомъ взявъ свой сосудъ и алмазныя вещи, пошла изъ трахтира мимо часовыхъ, которые спали также, какъ и Государь ихъ. Придворная дама постаралась изготовить у воротъ двѣ лошади. Принцесса не могла никого больше взять изъ своей свиты, опасаясь, чтобъ главной караулъ ея не остановилъ.

Формозанта и Ирла ѣхали прямо мимо солдатъ, которые почитая Принцессу за главнаго ихъ жреца, называли ея честнѣйшимъ служителемъ божїимъ, и просили у нея благословенїя. Они въ сутки прїѣхали въ Бассору, прежде нежели какъ Король проснулся. Тутъ скинули они съ себя свое одѣянїе, которое бы могло

гло ихъ привесть въ подозрѣнiе; наняли тотчасъ карабль, на коемъ чрезъ устье Ормусъ приплыли на прекрасной берегъ Едема къ щастливой Аравiи. Сей былъ тотъ самой Едемъ, коего садà толь были славны, что изъ оныхъ здѣлано потóмъ жилище праведныхъ. Они были образцомъ Елисейскихъ поль, садовъ Гесперидскихъ и щастливыхъ островов, потому что въ сихъ теплыхъ странахъ люди не воображали себѣ большаго блаженства, какъ тѣней и журчанiй водъ. Жить безпрестанно на небесахъ съ высочайшимъ существомъ, или итти прогуливаться въ садъ. Въ раю было тоже самое для людей, которые всегда говорятъ не разумѣя другъ друга, и кои еще не могутъ имѣть чистыхъ понятiй и дѣйствительныхъ выраженiй.

Какъ скоро Принцесса прiѣхала въ сiю землю, то первое ея старанiе было, чтобъ отдать любезной своей птицѣ послѣднюю честь, требуемую ею отъ нея. Прекрасныя ея рýки здѣлали маленькой костеръ изъ

гво-

гвоздики и корицы. Какое было ея удивленіе, какъ она, высыпавъ пепелъ птицы на сей костеръ, увидѣла, что оной самъ собою загорѣлся. Все тотчасъ сгорѣло. Вмѣсто пепла показалось только болшое яицо, изъ котораго птица ея вышла несравненно прекраснѣе прежняго. Сія минута была найпріятнѣйшая, которую Принцесса во всю свою жизнь имѣла. Могла бы ей еще одна быть и пріятнѣе, но она оной больше желала, нежели надѣялась.

Я вижу, сказала она птицѣ, что ты Фениксъ, о которомъ мнѣ много разъ сказывали. Я готова умереть отъ удивленія и радости. Я не вѣрила воскресенію мертвыхъ, но щастіе мое меня въ томъ увѣрило. Воскресеніе, милостивая государыня, сказалъ ей Фениксъ, есть вещъ на свѣтѣ наіобыкновеннѣйшая. Неудивительно ужѐ больше, чтобъ два раза перодиться. Все можетъ почестся воскресеніемъ на семъ свѣтѣ. Черви перераживаются въ бабочки, желудокъ, посажденной въ землю, въ дерево.

рево. ВсѢ животныя, зарываемыя вЪ нѢдро земное, произрастаютЪ вЪ травы вЪ произращенїя, и питаютЪ другихЪ животныхЪ, которыхЪ они вЪ томЪ же часЪ состовляютЪ часть ихЪ бытїя. ВсѢ частицы, составляющїя тѢла̀, превращены вЪ различныя существа. Правда, что я одинЪ, коему мощной ОросмадЪ оказалЪ милость, что превратилЪ вЪ прежнее его существо.

Формозанта, препровождающая сЪ самаго того дня, какЪ она вЪ первой разЪ увидѢла Амацана и Феникса, все время вЪ удивленїи, сказала ему: я довольно понимаю, что высочайшее существо могло изЪ твоего пепла произвесть Феникса, подобнаго тебѢ; но чтобЪ ты былЪ самой тотже, и имѢлЪ бы туже самую дýшу того. Я признаю́сь, ясно не понимаю, что была твоя душа вЪ то время, какЪ я тебя носила вЪ моемЪ карманѢ послѢ твоей смерти?

О боже мой! не толь же ли лехко, милостивая государыня, великому Орозмаду, чтобЪ продолжить свое

дѢй-

дѣйствіе на самую малую искру меня самаго, какъ начать сіе дѣйствіе? Онъ мнѣ сперва вліялъ чувство, память, и мысли; онъ мнѣ еще и теперь оныя даруетъ: но удѣлилъ ли онъ сію милость самомалѣйшей частицѣ элементарическаго огня, скрытаго во мнѣ, или собраніе моихъ дѣйствій, то въ настоящемъ дѣлѣ ничего не значитъ. Фениксы и люди никогда не будутъ знать, какъ сіе происходитъ; но наибольшая милость, оказанная мнѣ высочайшимъ существомъ, состоитъ въ томъ, что оно меня оживило для васъ. Для чего не могу я препроводить дватцати осми тысячъ лѣтъ, остающихся къ житію моему до будущаго моего воскресенія съ вами и съ любезнымъ моимъ Амацаномъ!

Любезной мой Фениксъ, отвѣчала ему Принцесса: вспомни, что первыя твои слова, говоренныя мнѣ тобою въ Вавилонѣ, которыхъ я никогда не забуду, льстили меня надеждою, чтобъ увидѣть того любезнаго пастуха, котораго я боготворю; не-

неотмѣнно надобно намъ обѣимъ вмѣстѣ ѣхать къ Гангаридамъ, и привезти его съ собою въ Вавилонъ. Сїе то и есть мое намѣренїе, сказалъ Фениксъ: не должно терять напрасно ни минуты, надобно искать Амацана самою кротчайшею дорогою, то есть, чрезъ воздухъ. Есть въ щастливой Аравїи два грифа, мои искреннїе прїятели, которые живутъ отсюда только сто пятдесятъ миль. Я отпишу къ нимъ по почтѣ на голубяхъ; они еще до ночи сюда будутъ. Мы будемъ имѣть время, чтобъ вамъ здѣлать не большее канапе покойное съ ящиками, въ которые можно положить для васъ съѣстные припасы. Вамъ и съ придворною вашею дамою въ семъ дорожномъ экипажѣ сидѣть весьма будетъ покойно. Сїи два грифа наисильнѣйшїе въ своемъ родѣ; каждой изъ нихъ будетъ держать край канапе въ своихъ кохтяхъ; но я еще говорю, время весьма дорого. Онъ пошелъ тотчасъ съ Формозантою, и заказалъ здѣлать канапе обойщику, которой ему былъ

зна-

знакомъ. Оное поспѣло въ четыре часа. Положили въ ящики булокъ, цукеръ броту лучшаго, нежели Вавилонской, цитроновъ; ананасовъ, кокосовыхъ орѣховъ, пистацїи и Едемскаго вина, превосходнаго противъ Хиражскаго, такъ какъ Хиражское противъ Сюренскаго.

Канапе было столь лехко, сколько покойно и крѣпко. Два грифа прилетѣли въ Едемъ въ назначенное время. Формозанта и Ирла сѣли на сїю свою воздушную колесницу. Грифы подняли ихъ какъ перо. Фениксъ то летѣлъ подлѣ ихъ, то садился на ту сторону канапе, къ которой спиною облокачиваются. Грифы летѣли къ Гангаридамъ съ такою скоростїю какъ стрѣла, пущенная изъ лука, просѣкаетъ воздухъ. Отдыхали только ночью нѣсколько минутъ для насыщенїя пищею; и чтобъ дать напиться двумъ воздушнымъ постилїонамъ.

Наконецъ прилетѣли къ Гангаридамъ. Сердце Принцессино трепетало отъ надежды, любви и радости. Фениксъ велѣлъ остановиться у дому Амацано-

цанова. Онъ хотѣлъ съ нимъ видѣться; но ужѐ три часа прошло, какъ Амацанъ уѣхалъ, и никто не вѣдалъ куда.

Нѣтъ выраженїя и на самомъ Гангаридскомъ языкѣ, кои бы могли изобразить отчаянїе, какимъ Формозанта была объята. Ахъ! вотъ чего я опасался, сказалъ Фениксъ: три часа, препровожденные вами въ трахтирѣ на дорогѣ къ Бассорѣ съ нещастнымъ Королемъ Египетскимъ, можетъ быть лишили васъ на вѣкъ благополучїя вашей жизни. Я боюсь, чтобъ мы невозвратно не потеряли Амацана.

Потомъ спросилъ онъ служителей, можно ли видѣть его родительницу? Они отвѣчали, что третьяго дня супругъ ея скончался, и для того она никого къ себѣ не допускаетъ. Фениксъ, имѣя довольной доступъ въ домѣ, ввелъ Принцессу Вавилонскую въ большой залъ, въ которомъ стѣны оклеены были померанцовымъ деревомъ, и украшенъ фигурами изъ слоновыхъ костей. Подвластные пастухи и пастушки одѣтые въ долгїя бѣ-

лыя платья, разцвѣченныя авроровыми цвѣтами, поднесли ей во-стѣ корзинахъ изъ простаго фарфору сто деликатныхъ кушаньевъ, между которыми не было ни одного изъ убитаго звѣря, которому искуснымъ пріуготовленіемъ даютъ иной видъ; но оныя состояли изъ сорочинскаго пшена, лапши, макероновъ, яишницъ, сыру, сливокъ, разнаго хлѣбеннаго садовыхъ овощей, плодовъ такого благовонія и вкуса, о которыхъ въ другихъ странахъ совсѣмъ и понятія не имѣютъ: было при томъ и изобиліе ликеровъ, превосходящихъ наилучшія вйна.

Во время то, какъ Принцесса кушала лежащая на постелѣ изъ розиновъ, четыре павлина, по щастію безгласныхъ, обмахивали ея прекрасными своими хвостами, двести тпицъ. Сто пастуховъ и сто пастушекъ составляли концертъ на́ два хора; соловьи, чижики, комары, зяблицы пѣли подъ голосъ съ пастушками дишкантомъ, пастухи пѣли альта и баса: вездѣ являлось прекрасное и простое естество. Принцесса признава-

ва-

валась, что хотя въ Вавилонѣ и больше великолѣпія, однако простота у Гангаридовъ несравненно была пріятнѣе; но во время то, какъ играла сія музыка толь увеселительная и прелестная, проливала она слёзы, говоря молодой Ирлѣ, своей придворной дамѣ: сіи пастухи и пастушки, соловьи и чижики изъявляютъ другъ другу свою любовь; а я лишенна воина Гангаридскаго, достойнаго предмета моихъ наинѣжнѣйшихъ и наинетерпѣливѣйшихъ желаній.

Во время продолженія стола, удивленія и слезъ Принцессиныхъ, Фениксъ говорилъ матерѣ Амазановой: вы не можете, милостивая государыня, того оставить, чтобъ не увидѣться съ Принцессою Вавилонскою; вы знаете .... Я знаю все, сказала она, и то самое, что ей въ трахтирѣ на дорогѣ къ Бассорѣ приключилось. Сего утра дроздъ мнѣ все разсказалъ; и сей то жестокой дроздъ причиною, что мой сынъ изъ отчаянія вошелъ въ такое дурачество и оставилъ родительской домъ. И такъ вы не знаете,

спро-

спросилЪ ФениксЪ, что Принцесса меня воскресила? НѢтЪ, любезное дитя, я узнала отЪ дрозда, что ты умерЪ, и была отЪ того неутѢшна. Лишенїе тебя, смерть моего мужа, и скорой отЪѢздЪ сына моего, толь меня опечалили, что я не велѢла никого кЪ себѢ допускать. Но какЪ Принцесса Вавилонская здѢлала мнѢ честь своимЪ прїѢздомЪ, то введи ея ко мнѢ поскоряе; я имѢю ей разсказать весьма важное дѢло, и хочу, чтобЪ и ты тутже былЪ. Она пошла тотчасЪ вЪ другой залЪ. На встрѢчу ПринцессѢ шла сЪ трудностїю потóму, что ужè имѢла себѢ óтЪ-роду близЪ трехЪ сотЪ лѢтЪ; однако остатки ея красоты были еще видны, и можно было примѢтить, что во время двухЪ сотЪ тритцати и дó сорока лѢтЪ она была прекрасна; приняла Формозанту благороднымЪ и почтеннымЪ образомЪ, оказывая видЪ участїя к печали, что Принцессу весьма тронуло.

Формозанта изЪявляла ей свое сожалѢнїе о кончинѢ ея супруга. АхЪ!

ска-

сказала вдовствующая: вы въ оной должны имѣть больше участїя, нежели какъ вы думаете. Я конечно тѣмъ тронута, сказала Формозанта: онъ былъ отецъ того . . . . При сихъ словахъ она заплакала. Я только для него и прїѣхала, претерпѣвъ довольно опасностей, и для него оставила я моего родителя и наиславнѣйшей дворъ на свѣтѣ; я была захвачена Королемъ Египетскимъ, коего ненавижу. Убѣжавъ отъ сего похитителя, несена была по воздуху, чтобъ видѣть того, кого люблю, прїѣхала, а онъ отъ меня бѣгаетъ! Слёзы и тяжкїе вздохи воспрепятствовали ей больше говорить.

Мать Амацанова сказала ей: когда васъ, государыня моя, Король Египетскїй захвалилъ, и когда вы съ нимъ ужинали въ трахтирѣ во время путешествїя вашего въ Бассору, наливая ему прекрасными вашими руками Хиражское вино, припомните ли вы, что тутъ въ покоѣ леталъ дроздъ? Конечно такъ, вы мнѣ то на память приводите, а я его совсѣмъ и не

 при-

примѣчала. И такъ теперь собравшись съ мыслями, помню, что въ самое то время, какъ Король Египетскій всталъ изъ за стола, чтобъ меня поцѣловать, дроздъ съ превеликимъ крикомъ изъ окошка вылетѣлъ, и ужѐ больше не показывался.

Ахъ! государыня моя, отвѣчала мать Амазанова: вотъ то то и есть дѣйствительная причина нашихъ нещастій. Сынъ мой послалъ сего дрозда, чтобъ освѣдомиться о состояніи вашего здоровья, и что въ Вавилонѣ происходитъ; онъ надѣялся въ скоромъ времени быть къ вамъ, чтобъ пасть къ вашимъ ногамъ и жертвовать вамъ своею жизнію. Вы не знаете, съ какою горячностію онъ васъ любитъ, всѣ Гангариды влюблены и вѣрны; но сынъ мой всѣхъ страстнѣе и постояннѣе. Дроздъ нашелъ васъ въ трактирѣ; вы весьма въ веселомъ духѣ пили съ Королемъ Египетскимъ, и еще съ самымъ простымъ духовнымъ; а наконецъ видѣлъ онъ, какъ вы съ большею пріятностію поцѣловали сего Монарха, которой убилъ

билъ Феникса, и къ которому мой сынъ имѣетъ непреодолимое отвращенїе. Дроздъ увидя сїе, пришелъ въ справедливое негодованїе; и улетѣлъ проклиная жалостную вашу любовь. Онъ сего дня возвратился и все разсказалъ; но въ какой часъ, праведное небо! во время то, въ которое сынъ мой оплакивалъ со мною смерть своего отца и Феникса, во время то, какъ онъ отъ меня увѣдалъ, что онъ вашъ двоюродной братъ.

О небо! онъ мой братъ! Возможно ль тому быть? Какимъ случаемъ? Какъ? Что! Я толь щастлива! и въ самое жъ то время толь нещастлива, что его обидила!

Сынъ мой, вашъ двоюродной братъ, я вамъ сказываю, отвѣчала мать Амацанова, и я вамъ тотчасъ покажу сему доказательство; но здѣлавшись моею свойственницею, лишаете вы меня моего сына. Онъ не снесетъ той печали, которую вы ему чрезъ поцѣлованїе Короля Египетскаго причинили.

Ахъ! тетушка, вскричала прекрасная Формозанта: я вамъ кленусь

имъ самимъ и мощнымъ Оросмадомъ, что сей нещастной поцѣлуй конечно невиненъ, но былъ еще сильнымъ опытомъ любви, какую я только сыну вашему оказать могла. Я для него здѣлалась непокорна моему родителю, для него поѣхала я отъ Эфрата къ Гангаридамъ. Попавшись въ руки недостойнаго Короля Фараона Египетскаго, не могла отъ него инымъ способомъ убѣжать, какъ чрезъ обманъ. Я въ томъ свидѣтельствую съ пепломъ и душею Феникса, носимыхъ тогда въ моемъ карманѣ; онъ мнѣ отдастъ въ томъ справедливость. Но какъ можно сыну вашему рожденному на Гангаридскихъ берегахъ быть мнѣ двоюроднымъ братомъ? по тому что фамилїя моя такое множество вѣковъ царствуетъ на берегахъ Эфратскихъ.

Вы знаете, сказала ей почтенная Гангаридка, что дядя вашъ Алдей былъ Король Вавилонскїй, и что онъ ссаженъ съ престола отцемъ Белусовымъ? Такъ, государыня моя, вы знаете, что сынъ его Алдей имѣлъ отъ своего супружества Принцессу

Алдѣю, воспитанную при дворѣ вашемъ. Тотъ-то самой Принцъ будучи гонимъ вашимъ родителемъ, убѣжалъ въ нашу щастливую страну подъ другимъ именемъ. Онъ на мнѣ женился; я имѣла отъ него молодаго Принца Алдея Амацана наипрекраснѣйшаго, наидобродѣтельнѣйшаго изъ смертныхъ, а нынѣ наибольшаго глупца. Онъ поѣхалъ къ празднеству Вавилонскому, услыша о вашей красотѣ. Съ того времени онъ васъ обожаетъ, и можетъ быть, что я ужѐ никогда опять не увижу любезнаго моего сына.

Потомъ велѣла она предложить Принцессѣ всѣ титулы Алдейскаго дому. Насилу Формозанта удостоила ихъ посмотрѣть. Ахъ! государыня моя, вскричала она, изслѣдываютъ ли то, чего желаютъ? Мое сердце вамъ довольно въ томъ вѣритъ. Но гдѣ Алдей Амацанъ? гдѣ мой свойственникъ, мой любовникъ, мой Король? Гдѣ моя жизнь? По какой дорогѣ онъ поѣхалъ? Я поѣду искать его во всѣхъ земныхъ шарахъ, которые предвѣчный основалъ, и коихъ

онъ

онъ наипрекраснѣйшимъ украшенїемъ. Я поѣду и въ созвѣздїе Канопусъ, въ Шеатъ, въ Алде баранъ; я поѣду увѣрить его моей любви и невинности.

Фениксъ оправдалъ Принцессу въ проступкѣ, которымъ дроздъ ея обвинилъ, будтобы она изъ любви Короля Египетскаго поцѣловала: но должно было вывесть изъ сомнѣнїя Амацана, и привесть его назадъ. Фениксъ послалъ птицъ по всѣмъ дорогамъ, и единороговъ всюду розослалъ; наконецъ принесли ему извѣстїе, что Амацанъ поѣхалъ по дорогѣ къ Китаю. И такъ поѣдемъ въ Китай, вскричала Принцесса: путь недалекъ; я надѣюсь привезти вамъ вашего сына обратно по крайней мѣрѣ чрезъ пятнатцать дней. При сихъ словахъ какїя слёзы нѣжности проливали мать Гангаридова и Принцесса Вавилонская! какїя обниманїя! какїя открытїя искреннихъ сердецъ.

Фениксъ приготовилъ тотчасъ карету съ шестью единорогами. Мать Амацанова дала двѣсти человѣкъ конницы

ницы для провожденія, и подарила Принцессѣ, своей племянницѣ, нѣсколько тысячь наилучшихъ алмазовъ сей земли. Фениксъ будучи огорченъ злоключеніемъ, произведеннымъ нескромностію дрозда, приказалъ выгнать изъ сей земли всѣхъ дроздовъ; и съ того времени нѣтъ ихъ уже больше на брегахъ Гангаридскихъ.

§. 5.

Единороги меньше, нежели какъ въ восемь дней привезли Формозанту, Ирлу и Феникса въ Камбалу, столицу Китайскую. Сей городъ гораздо былъ больше Вавилона, и великолѣпіе его отъ онаго совсѣмъ разнствовало. Сіи новые предметы, сіи новые обычаи конечно бы могли увеселять Формозанту, естьли бы она въ состояніи была о чемъ иномъ думать, кромѣ Амацана.

Какъ скоро Китайскій Императоръ увѣдомился, что Принцесса Вавилонская пріѣхала къ первымъ воротамъ города, то послалъ онъ къ ней на встрѣ-

чу четыре тысячи Мандариновъ (*) въ церемоніальныхъ одеждахъ; всѣ пали передъ нею на землю, и подали ей каждой поздравленіе, писанное золотыми литерами на листѣ изъ пурпуроваго шелку. Формозанта сказала имъ, что естьли бы она имѣла четыре тысячи языковъ, то бы не оставила, чтобъ тотчасъ же не отвѣтствовать каждому Мандарину особо, но имѣя только одинъ языкъ, проситъ принять за благо, естьли оной употребитъ, чтобъ ихъ поблагодарить всѣхъ вдругъ. Они ея почтительно проводили къ Императору.

Сей Монархъ былъ наисправедливѣйшей, наіучтивѣйшей и наиразумнѣйшей. Онъ то первой обработалъ не большее поле своими Императорскими руками, чтобъ здѣлать хлѣбопашество почтеннымъ своему народу. Онъ первой ввелъ награжденія за добродѣтель. Во всѣхъ другихъ земляхъ законы ограничены были къ ихъ стыду, чтобъ только наказывать преступленія. Сей Императоръ вы-

(*) Знатной господинъ въ Китаѣ.

выгналъ изъ своего государства толпу бонцовъ (*) иностранныхъ, пришедшихъ изъ дальнѣйшихъ западныхъ краевъ въ несмысленной надеждѣ, чтобъ присудить весь Китай думать такъ, какъ и они, и подвидомъ проповѣдыванія истинны, получившихъ уже богатства и достоинства. При выгнаніи ихъ, сказалъ онъ имъ изустно слѣдующія слова, которыя записаны въ государственной лѣтописи.

„Вы бы могли здѣсь здѣлать „столько же худаго, какъ и въ про-„чихъ мѣстахъ: вы пріѣхали сюда „проповѣдывать догматы презрѣнія „закона у народа наисогласнѣйшаго „на землѝ. Я васъ отсылаю назадъ, „чтобъ не быть никогда принужде-„ну васъ наказывать. Вы будете „съ честію провождены до моихъ „границъ; вамъ дадутъ все потре-„бное, чемъ вы можете возвратиться „въ ту страну свѣта, изъ которой „вы пріѣхали. Поѣзжайте съ ми-„ромъ, естьли вы можете быть въ „мирѣ и больше не возвращайтесь.

 Прин-

(*) Попъ въ Китаѣ и Японіи.

Принцесса Вавилонская радовалась узнавъ о семъ разсужденіи и разговорѣ, въ надеждѣ той, что вѣрно будетъ изрядно при дворѣ принята, потому что отъ догматовъ презрѣнія закона весьма была отдалена. Императоръ Китайскій обѣдалъ съ нею только одинъ, и былъ столько учтивъ, что отставилъ все принужденіе излишней церемоніи; она представила ему Феникса, котораго онъ весьма ласкалъ, и оной сѣлъ на его крѣслы. Формозанта при концѣ обѣда откровеннымъ образомъ сказала ему причину своего пушешествія, и просила его, чтобъ приказалъ поискать въ Камбалу прекраснаго Амацана, котораго приключенія она ему разсказала, не скрывъ отъ него и нещастной страсти, которую сердце ея чувствовало къ сему молодому воину. Кому вы о томъ сказываете? отвѣчалъ ей Императоръ Китайскій, онъ мнѣ здѣлалъ большее удовольствіе своимъ пріѣздомъ къ моему двору; онъ меня совсѣмъ плѣнилъ; сей любезной Амацанъ. Правда, что онъ въ глу-

глубокой печали; но видъ его еще тѣмъ прїятнѣе. Никто изъ моихъ любимцовъ не имѣетъ столько разума, какъ онъ: никоторой изъ ученыхъ Майдариновъ не имѣетъ такихъ пространныхъ знанїй; а изъ военныхъ столько храбрости и мужества. Самая его юность придаетъ новое достоинство всѣмъ его качествамъ: естьли бы я столь былъ нещастливъ, и толь оставленъ отъ боговъ Тїена и Хангти, чтобъ захотѣлъ быть побѣдителемъ, то бы я просилъ Амацана повелѣвать моею армїею, и конечно былъ бы увѣренъ, чтобъ весь свѣтъ завоевалъ. Весьма жаль, что печаль его приводитъ иногда въ смущенїе.

Ахъ! государь мой, сказала ему Формозанта съ видомъ горячности, печали удивленїя и выговора, для чего вы меня съ нимъ обѣдать не допустили? Вы лишаете меня жизни, пошлите тотчасъ его сюда позвать. Государыня моя, онъ сего утра уѣхалъ, и не сказалъ, въ которую страну. Формозанта обратясь къ Фениксу,

су, сказала: видалъ ли ты Фениксъ дѣвицу нещастнѣе меня? Но государь мой, продолжала она, для чего оставилъ онъ толь скоро такой прелестной дворъ, каковъ есть вашъ, при которомъ бы, кажется мнѣ, и весь вѣкъ свой проводить можно было?

Вотъ, государыня моя, что здѣлалось. Одна знатная и прекрасная Принцесса въ него влюбилась, и назначила ему свиданіе съ собою въ своемъ домѣ около полудня. Онъ уѣхалъ на самомъ разсвѣтѣ, и оставилъ сіе письмецо, которое стоило много слезъ моей свойственницѣ.

„Прекрасная Принцесса Китайской „крови, вы достойны сердца, кото„рое бы на всегда было ваше. Я клял„ся безсмертнымъ богамъ, чтобъ ни„когда не любить, кромѣ Формозан„ты Принцессы Вавилонской, и чтобъ „ея увѣрить, какимъ образомъ можно „обладать своими страстьми въ пу„тешествіяхъ. Она имѣла нещастіе „предаться власти недостойнаго „Короля Египетскаго; я наинещастли-

„вѣй-

„вѣйшей человѣкъ лишился моего ро-
„дителя Феникса, и надежды,
„чтобъ быть любиму Формозантою;
„я оставилъ печальную мою мать и
„отечество, не могъ жить ни ми-
„нуты въ тѣхъ мѣстахъ, въ кото-
„рыхъ провѣдалъ, что Формозанта
„любитъ другаго кромѣ меня; я
„клялся, чтобъ объѣхать весь свѣтъ
„и быть вѣрнымъ. Вы бы меня воз-
„ненавидѣли, и боги бы меня нака-
„зали, естьли бы я нарушилъ мою
„клятву. И такъ, государиня моя,
„изберите себѣ любовника, и будьте
„также вѣрна, какъ и я.

Ахъ! оставьте мнѣ сїе удивленїя достойное письмо, сказала прекрасная Формозанта, оно будетъ моимъ утѣшенїемъ; я щастлива въ моемъ злоключенїи. Амацанъ меня любитъ, и для меня отказываетъ Принцессамъ Китайскимъ. Онъ только одинъ на землѣ можетъ одержать такую побѣду, и чрезъ то подаетъ мнѣ великой примѣръ. Феникс знаетъ, что я въ ономъ не имѣла нужды; весьма не сносно лишиться своего любовни-

ка за самой невиннѣйшей поцѣлуй данной изъ одной только вѣрности; но куда же онъ поѣхалъ? по которой дорогѣ? удостойте меня объ ономъ знать, и я поѣду.

Императоръ Китайскій отвѣчалъ ей, что по полученнымъ извѣстіямъ, надѣется онъ, что любовникъ ея обратилъ путь свой къ Скивской землѣ. Тотчасъ единороговъ запрягли, и Принцесса, по оказаніи наинѣжнѣйшихъ привѣтствій, простилась съ Императоромъ, и поѣхала съ Фениксомъ, съ придворною своею дамою Ирлою и со всею своею свитою.

Какъ скоро она въ Скиѳскую землю пріѣхала, то ужѐ ясно могла видѣть, колъ различны люди и правлѣнія. Они и всегда будутъ различны даже до того времени, когда нѣкоторой народъ гораздо просвѣщеннѣйшей другихъ, мало по малу введетъ просвѣщеніе послѣ тысячи вѣковъ заблужденія; и когда въ ва́рварскихъ странахъ покажутся герои, имѣющіе силу и терпѣніе, чтобъ скотовъ перемѣнить въ людей. Въ Скиѳской

землѣ

землѣ не было городовъ, слѣдовательно не было и пріятныхъ искусствъ и наукъ; были только пространныя поля, и цѣлые народы жили въ палаткахъ и въ кибиткахъ. Сей взоръ вливалъ нѣкоторой ужасъ. Формозанта спросила, въ которой палаткѣ или кибиткѣ живетъ Король? Сказали ей, что восемь дней тому назадъ, какъ онъ пошелъ съ тремя стами тысячами человѣкъ конницы противъ Короля Вавилонскаго, увезши его племянницу, прекрасную Принцессу Алдею. Онъ увезъ мою сестру! вскричала Формозанта. Я совсѣмъ не воображала себѣ сего новаго приключенія. Какъ! сестра моя, почитающая себѣ за большое щастіе, когда мнѣ могла оказать почтеніе, здѣлалась Королевою, а я еще не за-мужемъ! Она тотчасъ велѣла себя отвести въ палатку къ Королевѣ.

Нечаянное ихъ свиданіе въ сихъ отдаленныхъ странахъ, множество особливыхъ матерій, которыя они имѣли другъ другу разсказать, произвели въ разговорахъ пріятность побу-

будившую ихъ забыть то, что они другъ друга никогда не любили; и такъ увидѣлись они въ радостномъ восхищенiи. Прелестное ослѣпленiе заступило мѣсто истинной ласки; они обняли другъ друга со слезами; оказывая также искренность и откровенность, потому что свиданiе было не въ палатахъ.

Алдея узнала Феникса и Ирлу; она подарила сестрѣ своей соболь-ихъ мѣховъ, а оная ей напротивъ того алмазовъ. Разговаривали о войнѣ происшедшей между двумя Королями; сожалѣли о состоянiи людей, которыхъ Монархи по прихотямъ своимъ посылаютъ на смерть за такiя между собою ссоры, кои бы двумя только честными людьми въ часъ могли быть прекращены; а особливо разговаривали они о прекрасномъ чужестранцѣ, побѣдителѣ львовъ, подарившемъ наибольшiе алмазы, какiе могли быть на свѣтѣ, сочинителѣ мадригалловъ, имеющемъ у себя Феникса, и здѣлавшемся наконецъ наищастливѣйшимъ человѣкомъ, по увѣ-

до-

домленїю одного только дрозда. Это мой любезной братъ, сказала Алдея: это мой любовникъ, вскричала Формозанта: вы конечно его видѣли, онъ можетъ быть еще здѣсь, для того сестрица, когда знаетъ, что вашъ братъ, то думаю отъ васъ не такъ скоро уѣдетъ, какъ отъ Императора Китайскаго.

Видѣла ли я его, великїе боги! отвѣчала Алдея, онъ цѣлые четыре дня у меня пробылъ. Ахъ! сестрица, какого только сожалѣнїя достоинъ мой братъ! Ложное извѣстїе здѣлало его совсѣмъ безумнымъ; онъ бѣгаетъ по свѣту, не зная куда ѣдетъ. Представте вы себѣ, что дурачествомъ своимъ онъ до такой крайности дошелъ, что отказалъ любви одной Скиѳїанки наипрекраснѣйшей изъ всей Скиѳской земли. Онъ поѣхалъ вчера написавъ къ ней письмо, отъ котораго она пришла совсѣмъ въ отчаянїе. Путь свой предпрїялъ онъ къ Симмерїанамъ. Слава богу! вскричала Формозанта, еще отказалъ для меня! Щастїе мое превзошло мою надежду, такъ нещастїе

стїе всѣ мои опасности. Прикажите мнѣ дать сїе любезное письмо, чтобъ я за нимъ въ слѣдъ поѣхала, преисполнена его жертвами. Прощай, сестрица, Амацанъ у Симмерїанъ. Я туда лечу.

Алдея почла, что Принцесса, сестра ея, была еще гораздо глупѣе брата ея Амацана. Но какъ она и сама чувствовала сїю заразу, оставя роскоши и великолѣпїе Вавилонское для Короля Скиѳскаго; и какъ женщины всегда прїемлютъ участїе въ дурачествахъ причиняемыхъ любовїю, то она дѣйствительно сжалилась надъ Формозантою, желала ей благополучнаго пути, и обѣщала въ любви ея вспомоществовать, естьли будетъ столько щастлива, что увидитъ своего брата.

§. 6.

Принцесса Вавилонская и Фениксъ скоро прїѣхали въ государство Симмерїанское, которое хотя и не такъ было многолюдно, какъ Китайское, но напротивъ того вдвое пространнѣе, и напредъ сего похожее на Скиѳскую

скую

скую землю, а предъ недавнымъ временемъ, пришедшее въ толь же цвѣтущее состоянїе, какъ и государства, которыя хвалились; что другихъ учить могутъ.

Чрезъ нѣсколько дней прїѣхали они въ весьма великой городъ, которой владѣющая Императрица повѣлѣла украшать; но ея въономъ не было. Она путешествовала тогда отъ Европейскихъ границъ къ границамъ Асїи, чтобъ собственнымъ своимъ окомъ узнать свои государства, чтобъ разсуждать о недостаткахъ, и оныя поправить, чтобъ умножить пользы и повсюду разсѣять наставленїя.

Одинъ изъ главныхъ правителей сего древняго столичнаго города узнавъ о прїѣздѣ Принцессы Вавилонской и Феникса, постарался оказать ей свою преданность, и здѣлать надлежащую честь, будучи точно увѣренъ, что Государыня его, которая была наичувствительнѣйшая и великодушнѣйшая изъ Монархинь, окажетъ ему свое благоволенїе за принятїе толь великой Принцессы, съ

такимъ же почтенїемъ, которое бы и собственною персоною ей наивозможнымъ образомъ оказать не оставила.

Формозантѣ отведены были покои во двоцѣ, отъ котораго отбили множество собравшагося подлаго народа; вымышляли для нея разныя увеселенїя. Знатной Симмерїанской господинъ, будучи великой испытатель естества, разговаривалъ много съ Фениксомъ въ то время, какъ Принцесса была въ своихъ покояхъ. Фениксъ признавался ему, что онъ бывалъ прежде сего у Симмерїанъ, и больше ужѐ сей земли не узна́етъ. Отъ чего могли произойти, сказалъ онъ, толь великїя перемѣны, въ такое короткое время? Не прошло еще трехъ сотъ лѣтъ, какъ я видѣлъ здѣсь дикое естество во всемъ его ужасѣ, а теперь нахожу искусства, великолѣпїе, славу и учтивость. Одинъ только человѣкъ на́чалъ сїе великое дѣло, отвѣчалъ Симмерїанинъ, дама оное совершила, дама была лучшею законодательницею, нежели какъ Изисъ Египетская и Церера

рера Греческая. Законодатели были по большей части не дальняго понятія склонны къ самовластію ограничивающему попеченія ихъ только на землю, которою они управляли: всякой почиталъ свой народъ какъ будтобы онъ одинъ былъ на земли, или какъ будтобы долженъ былъ непріятелемъ быть всѣмъ другимъ народамъ. Они здѣлали узаконенія для сего одного народа, ввели обычаи и уставили законъ для него только одного. Такъ-то Египтяне толь славные каменными своими горами, здѣлались глупыми и непочтенными чрезъ свои варварскія суевѣрія. Они почитаютъ другихъ народовъ невѣрными, не сообщаются съ ними, и кромѣ двора, которой иногда возносится надъ предубѣжденіями подлаго народа, нѣтъ Египтянина, которой бы хотѣлъ ѣсть съ того блюда, кое иностранной употреблялъ. Попы ихъ жестоки и суевѣрны. Лучше не имѣть законовъ и слѣдовать только естеству, которое въ сердца наши запечатлѣло чувствованіе того, что спра-

справедливо и несправедливо, нежели подвергать общество законамъ толь необходительнымъ.

Императрица наша напротивъ того совсѣмъ иныя имѣетъ намѣренія. Она почитаетъ, что пространное ея государство, въ которое всѣ полденныя линіи стекаются, неотмѣнно дожно обращаться со всѣми народами, обитающими подъ сими разлиичными полденными линіями. Главное ея прáвило состояло въ дозволеніи свободнаго отправленія всѣхъ законовъ и въ сожалѣніи о всѣхъ преступленіяхъ. Великой ея духъ предузналъ, что хотя церковные обряды и различны, однако нравоученіе вездѣ равно. Симъ способомъ соединила она свой народъ со всѣми народами на свѣтѣ и Симмеріане почитаютъ Скандинавіанъ и Китайцовъ за братьевъ. Она еще больше произвела, возжелавъ, чтобъ сіе прехвальное дозволеніе, какъ главной союзъ между людьми, завелось бы и у ея сосѣдей; и такъ заслужила она титулъ матери отечества, и продол-

должая оное навсегда, будетъ имѣть имя и благодѣтельницы рода человѣческаго.

До нея люди по нещастiю большую власть имѣющiе посылали толпы грабителей разбивать новыя неисвѣстныя селенiя, и орошать ихъ кровiю наслѣдiя отцовскiя. Сихъ смертноубiйцъ называли воинами; а грабленiе ихъ славою. Государыня наша имѣетъ совсѣмъ другую славу; она послала армiи, чтобъ произвесть тишину, возпрепятствовать людямъ себя вредить, принудить ихъ терпѣть другъ друга, и знаменами своими произвесть общее согласiе.

Фениксъ чрезмѣрно плѣнясь всѣмъ тѣмъ, что ему сей господинъ разсказывалъ, сказалъ ему: государь мой, я ужѐ живу̀ на свѣтѣ дватцать семь тысячъ девять сотъ лѣтъ и семь мѣсяцовъ; однако еще не видывалъ подобнаго сему, что вы мнѣ теперь сказывали. Онъ спрашивалъ у него о прiятелѣ своемъ Амацанѣ. Симмерiанинъ разсказалъ ему тоже, что сказали Принцессѣ, у Китайцовъ и у

Ски-

Скиөовъ. Амацанъ бѣгалъ ото всѣхъ дворовъ, къ которымъ прїѣзжалъ, какъ скоро только отъ какой дамы назначено было ему свиданїе, опасаясь, чтобъ при ономъ вѣрности своей не нарушить. Фениксъ увѣдомилъ тотчасъ Формозанту о семъ новомъ къ ней знакѣ вѣрности Амацановой, которая тѣмъ больше была удивленїя достойна, что онъ совсѣмъ не надѣялся, чтобъ Принцесса его объ оной когда нибудь могла быть увѣдомлена.

Онъ поѣхалъ въ Скандинавїю. Въ сихъ странахъ представились глазамъ его еще новыя позорища: въ одной части королевское достоинство и вольность состояли чрезъ договоръ въ такомъ равенствѣ, которое въ другихъ государствахъ кажется быть невозможнымъ: хлѣбопахари въ законодательствѣ имѣли такое же участїе, какъ и знатные государственные чины, и молодой Государь подавалъ наибольшую о себѣ надежду, что можетъ быть достойнымъ обладателемъ вольнаго народа. Въ другой же части было нѣчто весьма стран-

странное; одинъ только Король, которой поправилъ чрезъ заключенной формально съ своимъ народомъ договоръ, владѣлъ на земли какъ самовластной Государь, былъ притомъ самой младшей и справедливѣйшей изъ Королей.

У Сарматовъ увидѣлъ Амацанъ на престолѣ Философа: можно было его назвать Королемъ Анархїи, (*) потому что онъ былъ повелитель ста тысячи малыхъ Королей, изъ коихъ одинъ могъ только словомъ уничтожить намѣренїя всѣхъ прочихъ. Эолъ не больше имѣлъ труда, чтобъ удержать всѣ вѣтры безпрестанно противоборющїеся, какъ сей Монархъ, чтобъ привесть въ согласїе различные умы. Онъ былъ кормчей, окруженной безпрестанною бурею, а однако Король не разбивался; потому что преизрядно рулемъ правилъ.

Амацанъ, проѣзжая всѣ сїи земли толь отличныя отъ его отечества, съ великимъ постоянствомъ убѣгалъ всѣхъ любовныхъ случаевъ, ему пред-

(*) Состоянїе земли безъ владѣнїя.

ставляющихся, въ безпрестанномъ отчаянiи о поцѣлуѣ данномъ Формозантою Королю Египетскому, и несказанной твердости въ непонятномъ своемъ намѣренiи, чтобъ подать Формозантѣ примѣръ несравненной и непоколебимой вѣрности.

Принцесса Вавилонская съ Фениксомъ ѣздила за нимъ слѣдомъ повсюду, и не заставала его не больше какъ днемъ, или двумя, такъ что одинъ не уставалъ бѣгать, а другая не упускала ни одной минуты, чтобъ за нимъ не слѣдовать.

И такъ проѣхали они всю Германiю; удивлялись успѣхамъ, кои разумъ и Философiя въ сѣверныхъ странахъ производили. Всѣ Государи тамъ были учены, всѣ имѣли свободныя мысли; воспитанiе ихъ не было поручено людямъ, которые бы имѣли въ томъ пользу, чтобъ ихъ обмануть, или бы сами были обмануты; воспитывали ихъ въ познанiи нравоученiя всеобщаго и въ пренебреженiи суевѣрiя; во всѣхъ сихъ государствахъ истреблено было несмыслен-

ное

ное обыкновенїе, которое обезсиливало и опустошало многїя полденныя страны. Сїе обыкновенїе состояло въ томъ, чтобъ зарывать живыхъ въ пространныя тюрьмы безчисленное множество людей обоего пола, разлучая ихъ на вѣки другъ отъ друга, и приводя къ клятвѣ, чтобъ не имѣли никогда между собою сообщенїя. Сїе чрезвычайное дурачество, бывшее однако чрезъ нѣсколько вѣковъ въ почтенїи, такъ опустошило землю, какъ и наїужаснѣйшїя войны.

Полночные Государи узнали наконецъ, что естьли имѣть конской заводъ, то не должно отлучать самыхъ сильныхъ жеребцовъ отъ кобылъ. И такъ истребили они множество пороковъ толь странныхъ и вредительныхъ; а потомъ люди осмѣлились быть разумными въ сихъ обширныхъ земляхъ, когда еще въ другихъ мѣстахъ думали, что ими неинаॳе управлять можно, какъ только по сображенїю ихъ глупости.

§. 7.

Амацанъ пріѣхалъ къ батавіанамъ; сердце его почувствовало сладкое удовольствіе въ его печали, нашедши тамъ нѣкоторое слабое изображеніе земли щастливыхъ Гангаридовъ, вольность, равенство, чистоту, изобиліе, свободное отправленіе закона; но дамы въ сей землѣ толь были холодны, что ни одна на него такъ, какъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ дѣлали, любовнаго нападенія не учинила, и потому не имѣлъ къ сопротивленію труда. Естьли бы онъ захотѣлъ самъ къ нимъ приступить, то бы конечно всѣхъ одну за другой себѣ покорилъ, не будучи любимъ ни отъ которой; но мысли его отъ пріобрѣтенія побѣдъ совсѣмъ были отдалены.

Едва Формозанта не застала его у сего неискуснаго народа; недоставало только одной минуты.

Амацанъ услышалъ у батавіанъ толь великую похвалу о нѣкоторомъ островѣ, называемомъ Албіонъ, что онъ вознамѣрился сѣсть и съ единорогами

рогами своими на корабль, которой способнымъ восточнымъ вѣтромъ привезъ его въ четыре часа къ берегамъ сей земли гораздо славнѣйшїй Тира и острова Атлантическаго.

Прекрасная Формозанта, слѣдующая за нимъ къ берегамъ Двины, Вислы, Элбы, Везера, прїѣхала наконецъ къ устью Рейна, которая рѣка тогда быстрымъ своимъ теченїемъ въ Германическое море протекала.

Она увѣдомилась, что любовникъ ея поѣхалъ ко брегамъ Албїона, надѣялась увидѣть его корабль, произвела радостной крикъ, чему всѣ Батавскїя дамы удивились, не воображая себѣ, чтобъ молодой человѣкъ могъ быть причиною такой радости. Феникса же они за чудо не сочли, потому что имѣли утокъ и гусей, живущихъ у нихъ на болотахъ, коихъ перья продавали, а Фениксовы не почитали толь удобными къ продажѣ. Принцесса Вавилонская паняла два корабля, для переѣзда со всею своею свитою въ сей щастливой островъ, на которомъ былъ единственной пред-

метъ всѣхъ ея желанїй, душа ея жизни, богъ ея сердца.

Вдругъ поднялся противной вѣтръ отъ запада, въ самое то время, какъ вѣрной и нещастной Амацанъ вышелъ на островъ Албїонъ; корабли Принцессины не могли отвалить отъ берега. Стѣсненїе сердца, горькая печаль и глубокая задумчивость, обладали Формозантою; съ горести своей легла она на постелю, ожидая перемѣны вѣтра; но онъ дулъ цѣлые восемь дней съ жестокостїю, приводящею ея въ отчаянїе. Принцесса во время сихъ осми дней, которые ей цѣлымъ вѣкомъ показались, заставила Ирлу читать себѣ романы. Не Батавїане оные умѣли сочинять; но какъ они были подрядчики всего свѣта, то продавали разумъ другихъ народовъ такъ, какъ и съѣстные свои припасы. Принцесса велѣла купить у Марка Михеля Рея всѣ скаски, писанныя у Озонїановъ и Велховъ, которыхъ продажа у сихъ народовъ весьма разумно была запрещена для обогащенїя чрезъ то Батавїанъ.

вїанъ. Она надѣялась найти въ сихъ исторїяхъ нѣкоторое приключенїе сходное съ своимъ, кое бы могло утолить ея печаль. Ирла читала; Фениксъ сказывалъ на то свое мнѣнїе, и Принцесса не нашла ни въ щастливой крестьянкѣ, ни въ Тонзаѣ, ни въ Софа, ни въ четырехъ Факардинахъ, ничего сходственнаго съ ея приключенїями; она безпрестанно прерывала чтенїе, спрашивая, съ которой стороны вѣтръ.

§. 8.

Между тѣмъ Амазанъ ѣхалъ ужѐ по дорогѣ къ столицѣ Албїонской въ каретѣ своей запряженной шестью единорогами, и былъ въ глубокой задумчивости о своей Принцессѣ; онъ увидѣлъ опрокинутую въ ровъ коляску. Люди разошлись искать по́мощи; а господинъ сидѣлъ въ оной спокойнымъ духомъ, не оказывая ни малѣйшей нетерпѣливости, и забавлялся куренїемъ табаку; пото́му что тогда ужѐ курили. Онъ назывался Милордъ Ваттенъ, что на

аномъ языкѣ, съ котораго я перевожу сіи извѣстія, столько значитъ, какъ *Милордъ Безпечной*.

Амацанъ поспѣшилъ подать ему помощь; онъ одинъ вытащилъ его коляску изо рва. Толь сила его была превосходна противъ прочихъ людей. *Милордъ Безпечной* сказалъ ему только: вотъ человѣкъ довольно сильной. Мужики сосѣдственные прибѣжали, разсердились, что ихъ по напрасну призвали, и напали на чужестранца съ великими угрозами, называя его чужею собакою, и хотѣли его бить.

Амацанъ захватилъ ихъ пó двое въ каждую руку, и отбросилъ отъ себя нá-дватцать шаговъ; другїе стали чрезъ то учтивѣе, кланялись ему, и просили у него денегъ на вино. Онъ имъ далъ толь много, что они óтъ-роду столько не видывали. *Милордъ Безпечной* сказалъ ему: я васъ почитаю, поѣдемъ ко мнѣ обѣдать въ загородной мой домъ, которой отсюда только три мили. Онъ сѣлъ въ карету къ Амацану,

по-

потому что коляска его отъ паденія испортилась.

Помолчавъ съ четверть часа, посмотрѣлъ онъ нѣсколько на Амацана, и сказалъ ему hou dye do, по словамъ *какъ вы дѣлаете дѣлать?* На языкѣ переводчика, *какъ вы обрѣтаетесь?* что ни на какомъ языкѣ ничего не значитъ; потомъ сказалъ онъ: вы имѣете шесть преизрядныхъ единороговъ, и началъ опять курить табакъ.

Путешествующій Амацанъ сказалъ ему, что онъ его единорогами своими даритъ, и ѣдетъ на нихъ изъ земли Гангаридской. Сіе подало ему случай говорить о Принцессѣ Вавилонской, по нещастномъ поцѣлуѣ, данномъ ею Королю Египетскому. На что онъ ни слова не отвѣчалъ, имѣя весьма мало попеченія о томъ, естьли на свѣтѣ Король Египетскій и Принцесса Вавилонская. Онъ молчалъ еще четверть часа, а потомъ опять спросилъ своего товарища, *какъ онъ дѣлаетъ дѣлать*: и ѣдятъ ли въ землѣ Гангаридской хоро-

рошей *ростбефъ*. Путешествующей отвѣчалъ съ обыкновенною своею учтивостїю, что не ѣдятъ своихъ братьевъ въ странахъ Гангаридскихъ. Онъ изъяснялъ ему систему, бывшую чрезъ толь множество вѣковъ Пиѳагорову, Порфиррову и Ямблихову. Милордъ отъ того заснулъ до тѣхъ поръ, пока къ его двору прїѣхали.

Онъ имѣлъ молодую и прелестную жену, которая отъ природы толь была жива и чувствительна, какъ мужъ ея напротивъ того безпеченъ. Многїе Албїонскїе господà прїѣхали къ ней въ сей день обѣдать. Были между ими люди различныхъ нравовъ; потому что какъ сїя земля почти всегда управляема была чужестранными, то фамилїи, вышедшїя съ сими Принцами, привезли съ собою различные обычаи. Въ собранїи были люди весьма любезные: иные превосходнаго разума, а иные высокой науки.

Хозяйка не имѣла въ себѣ никакого неискуснаго и заимственнаго вида, и ни мало изъ той суровости

и

и безстыдства, коими тогда молодыхъ Албїонскихъ дамъ укоряли. Она не скрывала презрительнымъ видомъ и принужденнымъ молчанїемъ недостатка своихъ понятїй, и умильнаго замѣшательства, въ какомъ бываютъ тогда, когда не имѣютъ чего сказать. Никакая женщина не была столь снисходительна. Она приняла Амацана съ учтивостїю и прїятностїю ей свойственными. Чрезвычайная красота сего молодаго чужестранца, и скорое сравненїе, здѣланное ею между имъ и своимъ мужемъ, тотчасъ ея чувствительнымъ образомъ тронули.

Столъ изготовили. Она посадила Амацана подлѣ себя, и потчивала его пуддиномъ разныхъ сортовъ, узнавъ отъ него, что Гангариды не питались ничемъ тѣмъ, что получило отъ боговъ небесной даръ жизни. Красота его и сила, обычаи Гангаридовъ, успѣхи искусствъ, законъ и правленїе, были матерїи разговора столько же прїятнаго, какъ и наставленїями наполненнаго. Во время обѣ-

да, продолжающагося до ночи, при которомъ *Милордъ Безпечной* пилъ много и ни слова не говорилъ.

Послѣ обѣда, какъ Милади, наливая чай, глазъ своихъ съ молодаго человѣка не спускала, разговаривалъ онъ съ парламентскимъ членомъ; потому что всякому извѣстенъ тогда былъ Парламентъ, и назывался оной Wittenagemof, что значитъ собранїе разумныхъ людей. Амацанъ освѣдомляяся о учрежденїи, нравахъ, законахъ, о военной силѣ, обыкновенїяхъ, искусствахъ, дѣлающихъ сїю землю толь славною; и сей господинъ изъясняяся ему въ слѣдующихъ словахъ:

Мы долго ходили совсѣмъ наги, хотя климатъ нашъ и нетепелъ. У людей пришедшихъ изъ древней земли Сатурновой, которую Тибрскїя воды орошаютъ, долго находились мы подъ неволею; но мы сами себѣ здѣлали больше зла, нежели какъ онаго имѣли отъ первыхъ нашихъ побѣдителей. Одинъ изъ нашихъ Королей толь уничижился, что объявилъ себя подданнымъ одного

го попа, живущаго также на брегахъ Тибрскихъ, коего называли старикомъ Семи Горъ. Толь давно ужѐ судьба опредѣлила сїи Семь Горъ владѣть большею частїю Европы, въ которой тогда несмысленные скоты обитали.

Послѣ сихъ временъ уничиженїя, пришли вѣки жестокости и междоправленїя. Земля наша въ зволновавшись больше, нежели какъ моря онуую окружающїя, была опустошена и окровавлена чрезъ наши несогласїя, многїя коронованныя главы были казнены; болѣе ста Князей, происходящихъ отъ крови Королевской, окончали дни свои на мѣстѣ казни. У всѣхъ ихъ сообщниковъ вынули сердца, и били ихъ оными по щекамъ. Палачу бы должно было писать исторїю нашего острова, потому что онъ одинъ былъ рѣшитель всѣхъ великихъ дѣлъ.

Не давно къ вящему ужасу нѣкоторыя особы, носящїя черныя епанчи, а другїя, надѣвающїя бѣлыя рубашки сверьхъ своихъ фуфаекъ, будучи укушены

шены бѣшеными сабаками, заразили весь народъ своимъ свирѣпствомъ. Всѣ жители здѣлались или убїйцы, или удавленные, палачи, или казненные, грабители, или невольники, за имя небесное и ища Го́спода.

Ктобы могъ повѣрить, чтобъ изъ сей ужасной бездны, изъ сей смѣси несогласїя, жестокости, невѣжества и возмечтанїя, произошло наконецъ наисовершеннѣйшее правленїе, какое только нынѣ можетъ быть на свѣтѣ. Король почитаемой и богатой, имѣющей полную власть дѣлать добро, невластительной дѣлать зло, повелѣваетъ народомъ вольнымъ, къ войнѣ и коммерцїи способнымъ и просвѣщеннымъ. Знатные господа̀ съ одной, а старшины городскїе съ другой стороны̀ дѣлятъ законодательство съ Государемъ.

Особливой предѣлъ доказалъ безпорядки, междоусобныя брани, Анархїю и бѣдность опустошающїя землю, когда Короли присвоивали себѣ полную власть, тишина, богатство и общее благополучїе не иначе у насъ царство-

ствовали, какъ когда Короли признавали себя несамовластными. Все было превратно, естьли спорили о дѣлахъ непонятныхъ; все же напротивъ того было порядочно, когда оныя не уважали. Наши побѣдоносные флоты являютъ славу нашу на всѣхъ моряхъ, а законы приводятъ благополучїе наше въ безопасность; никогда судья не можетъ оные толковать по своей волѣ, и никогда не выдадутъ приговора, не показавъ въ немъ ясныхъ доказательствъ. Мы бы наказали такъ, какъ убїйцъ судей, которые бы отважились лишить жизни мѣщанина, не обнародовавъ свидѣтельствъ его обвиняющихъ и закона его присуждающаго.

Правда, что у насъ есть безпрестанно двѣ партїи, борящїяся между собою перомъ и разными пронырствами; но они всегда соглашаются, когда дѣло дойдетъ до того, чтобъ принять оружїе къ защищенїю отечества и вольности. Сїи двѣ партїи смотрятъ одна за другою. Они съ обѣихъ сторонъ другъ другу препятствуютъ нарушать святой залогъ законовъ;

другъ друга ненавидятъ, но любятъ государство; они ревнивые любовники, которые изъ зависти одной любовницѣ служатъ.

По таковому же побужденiю разума заставившему насъ узнать и утвердить права естества человѣческаго, привели мы и науки въ толь высочайшей степень, въ какой только оныя между людьми притти могли. Ваши Египтяне, почитаемые за толь великихъ механиковъ, Индейцы ваши за толь великихъ Философовъ, Вавилоняне похваляющiеся звѣздочетствомъ, чрезъ четыреста тритцать тысячъ лѣтъ. Греки, писавшiе толь много рѣчей, а толь мало дѣла, дѣйствительно не знаютъ ничего въ сравненiи самыхъ послѣднихъ нашихъ учениковъ, обучившихся открытiямъ великихъ нашихъ учителей. Мы во-сто лѣтъ больше испытали сокровенностей естества, нежели какъ родъ человѣческой открылъ оныхъ во множество вѣковъ.

Вотъ истинное состоянiе, въ которомъ мы теперь находимся. Я вамъ не

не скрылъ ни добра, ни худа, ни нашего позора, ни нашей славы, и ни въ чемъ лишняго не прибавилъ.

Аманзанъ почувствовалъ при семъ разговорѣ великое желанїе обучиться симъ высокимъ наукамъ, о которыхъ ему сказывали; и естьли бы страсть его къ Принцессѣ Вавилонской, сыновнее его почтенїе къ оставленной имъ родительницѣ и любовь къ отечеству стѣсненнаго его духа, толь сильно не трогали, то бы онъ конечно вознамѣрился всю свою жизнь на островѣ Албїонѣ препроводить. Но сей нещастной поцѣлуй, данной Принцессою его Королю Египетскому, не оставлялъ ему столько свободности разума, чтобъ учиться высокимъ наукамъ.

Я вамъ признаюсь, сказалъ онъ: что наложа себѣ законъ ѣздить по свѣту и убѣгать отъ самаго себя, былъ бы я любопытенъ, чтобъ видѣть сїю древнюю землю Сатурнову. Сей народъ Тибрскїй и Семигорскїй, коему вы напредъ сего подвласны были, конечно надобно думать, что

онъ

онЪ былЪ первой народЪ на землѣ. Я вамЪ совѣтую предпріять сіе путешествіе, отвѣчалЪ ему Албіонянинъ, естьли вы хотя мало любите музыку и рисовальное искусство. Мы весьма часто и сами туда для препровожденія нашей скуки ѣздимЪ, но вы весьма удивитесь, увидя потомковЪ нашихЪ побѣдителей.

Сей разговорЪ долго продолжался. Хотя прекрасный АмацанЪ былЪ нѣсколько и смущенЪ, однако говорилЪ сЪ такою пріятностію: голосЪ его толь былЪ нѣженЪ, видЪ его толь благороденЪ и умиленЪ, что госпожа дому не могла оставить, чтобЪ сЪ нимЪ наединѣ не говорить. Разговаривая сЪ нимЪ, жала она ему нѣжнымЪ образомЪ руку, смотря на него прелеснымЪ и быстрымЪ взоромЪ, наполняющимЪ всѣ ея чувства чрезвычайнымЪ желаніемЪ. Она удержала его ужинать и ночевать. Каждая минута, каждое слово, каждой взорЪ возжигали ея страсть. КакЪ всѣ разъѣхались, то написала она кЪ нему письмецо, не сумнѣваясь, чтобЪ онЪ не пришелЪ кЪ ней на постелю,

лю, между тѣмъ какъ *Милордъ Безпечной* спалъ на своей. Амацанъ имѣлъ еще столько крѣпости сему возпротивиться; толь удивительныя дѣйствія производитъ вкоренившееся дурачество въ сильномъ и весьма тронутомъ духѣ.

Амацанъ по обыкновенію своему здѣлалъ сей дамѣ почтителной отвѣтъ, въ которомъ изъяснилъ онъ ей ненарушимость своей клятвы и непремѣнную должность, чтобъ доказать Принцессѣ Вавилонской, коль лехко можно обладать своими страстьми; потомъ велѣлъ онъ заложить единороговъ, и поѣхалъ назадъ въ Батавію, оставя все собраніе въ превеликомъ о себѣ удивленіи, а госпожу дома въ отчаяніи. Въ чрезвычайной своей печали обронила она письмо Амацаново. *Милордъ Безпечной* прочелъ оное на другой день поутру. Вотъ, сказалъ онъ, пожавъ плечми, какія нелѣпыя дурачества. И поѣхалъ на охоту за лисицами съ пьянюгами, живущими въ его сосѣдствѣ.

Амазанъ разъѣзжалъ уже по морю, будучи снабденъ Географическою картою, коею его подарилъ ученой Албіонецъ, разговаривавшей съ нимъ у *Милорда Безпечнаго.* Онъ съ удивленіемъ видѣлъ большую часть земли на листѣ бумаги.

Глаза его и совоображеніе заблуждались въ семъ маломъ мѣстѣ. Онъ смотрѣлъ на Рейнъ, Двину, Алпискія горы въ Тиролѣ, означенныя тогда другими именами, и на всѣ земли, чрезъ которыя долженъ былъ ѣхать до пріѣзда своего въ городъ Семигородскій; а особливо обращалъ онъ свой взоръ на страну Гангаридскую; на Вавилонъ, гдѣ онъ видѣлъ любезную свою Принцессу, и на нещастную землю Бассорскую, въ которой она Короля Египетскаго поцѣловала. Онъ воздыхалъ, проливалъ слезы, но признавался, что Олбинянинъ, подарившей его цѣлымъ свѣтомъ, въ такой краткости изображеннымъ, говорилъ справедливо, что люди, обитающіе на брегахъ Темзы, гораздо были ученѣе живущихъ на Нильскихъ, Эфратскихъ и Гангскихъ берегахъ.

Когда

Когда онъ возвращался въ батавїю, Формозанта поспѣшала на двухъ своихъ кораблахъ, распустя всѣ парусы, къ Албїону. Корабли Амацановъ и Принцессинъ повстрѣчались, и почти одинъ съ другимъ столкнулись. Оба любовники были другъ отъ друга близко, а совсѣмъ о томъ не думали. Ахъ! естьли бы они то знали! Но властная судьба не дозволила.

§. 9.

Какъ скоро Амацамъ сошелъ на равную и грязную землю батавскую, то тотчасъ поѣхалъ въ городъ Семигорскїй. Должно было проѣхать полденную частъ Германїи. Въ разстоянїи каждыхъ четырехъ миль находилъ онъ Принца и Принцессу, придворныхъ фрелинъ и нищихъ. Онъ чрезвычайно удивлялся объявленїямъ любви дѣлаемымъ ему вездѣ отъ придворныхъ дамъ и фрелинъ по откровенности Германской, на которыя отвѣтствовалъ только благопристойными отказами. Проѣхавъ Алпискїя горы, поѣхалъ онъ на кораблѣ по Далматскому морю,

и присталъ къ городу, которой ни мало непохожъ былъ на то, что онъ прежде видалъ. Море дѣлало улицы, а домы построены были на водахъ. Малое число публичныхъ мѣстъ, украшающихъ сей городъ, наполнены были мущинами и женщинами, имѣющими двойныя лица, то, коимъ ихъ натура одарила, и здѣланное изъ полотна, весьма дурно разрисованное, которое они сверьхъ натуральнаго надѣвали, такъ что народъ казался быть составленъ изъ чудовищъ. Иностранные, пріѣзжающіе въ сію землю, прежде всего покупали сіи лица, какъ въ прочихъ мѣстахъ снабдѣваютъ себя шапками и башмаками. Амаганъ презрѣлъ сей противной естеству обычай, и показался таковъ, каковъ онъ былъ. Въ городѣ было двенатцать тысячъ дѣвушекъ записанныхъ въ большей книгѣ республики полезныхъ государству, отправляющихъ наиприбыточнѣйшей и пріятнѣйшей торгъ, какой только обогащалъ народъ. Простые купцы посылали съ великимъ коштомъ и страхомъ товары

свои

свои въ восточныя стра́ны; а сїи прекрасныя торговки безъ всякаго страха производили торгъ всегда возобновляющейся отъ ихъ прелестей. Онѣ всѣ пришли предъ Амацана, и предлагали ему, которую изъ нихъ изберетъ. Онъ убѣжалъ отъ нихъ въ самой скорости, проговаривая имя несравненной красоты Принцессы Вавилонской, и кленясь безсмертными богами, что она гораздо прекраснѣе всѣхъ двенатцати тысячъ Венецїанскихъ дѣвушекъ. О ты непостоянная! вскричалъ онъ въ своемъ восхищенїи, я тебя научу какъ быть вѣрною.

Наконецъ желтыя во́ды Тибрскїя, вонючїя болота, жители блѣдные, худощавые, малочисленные и покрытые старыми дыроватыми епанчами, чрезъ которыя можно было видѣть сухую и черную ихъ кожу, представились его глазамъ, и дали ему знать, что онъ у воро́тъ го́рода Семи Горъ, сего го́рода воиновъ и законодателей завладѣвшихъ и поправившихъ большую часть земнаго шара.

Онъ воображалъ себѣ, что у тріумфальныхъ воротъ увидитъ пять сотъ баталїоновъ подъ командою воиновъ, а въ Сенатѣ собранїе полубоговъ дающихъ законы въ сей землѣ; но напротивъ того нашелъ, что всю армїю составляли около тритцати человѣкъ самобѣднѣйшихъ людей, стоящихъ на караулѣ съ подсолнешниками для защищенїя отъ солнца. Дошедъ далѣе до храма показавшагося ему весьма изряднымъ, но хуже Вавилонскаго. Весьма онъ удивился, услыша въономъ музыку производимую мущинами имѣющими женскїя голоса.

Вотъ, сказалъ онъ, какая веселая древняя Сатурнова земля. Я видѣлъ городъ, въ которомъ никто не имѣлъ своего лица, а теперь вижу другой, въ коемъ мущины не имѣютъ своихъ ни голоса, ни бороды. Сказали ему, что сїи пѣвцы недѣйствительные мущины; они лишены своего мужества, чтобъ прїятнѣе пѣли похвалы превеликаго множества людей достойныхъ. Амацанъ не понималъ ничего, что ему пересказывали. Сїи го-

господа̀ просили его, чтобъ онъ запѣлъ; и такъ на́чалъ онъ пѣть арїю Гангаридскую съ обыкновенною своею прїятностїю. Голосъ его былъ самой чистой альтъ. Ахъ! государь мой, сказали они ему: какой бы прелестной сопрано вы имѣли, ахъ! естьли —— какъ естьли? что вы чрезъ то разумѣете? —— ахъ! государь мой! —— Ну? —— естьли бы вы не имѣли бороды! потомъ изъяснили они ему весьма веселымъ образомъ и по обыкновенїю своему съ тѣлодвиженїями комедїанскими, о чемъ была рѣчь. Амацанъ весьма задумался. Я путешествовалъ, сказалъ онъ, а никогда не слыхивалъ о такомъ дурачествѣ.

По довольномъ пѣнїи, показался старикъ Семигорской, идущей въ многочисленномъ провожанїи ко дверямъ храма; онъ просѣкалъ воздухъ крестъ на́-крестъ пальцами своими, поднявъ два большїе къ верьху, а другїе приложа, и притомъ произнося на такомъ языкѣ, какимъ ужѐ больше не говорятъ, сїи слова̀: *городу и всему*

 свѣту

свѣту (*). Гангаридъ не понималъ, какъ сїи два пальца толь далеко доставать могутъ.

Вскорѣ потомъ увидѣлъ онъ весь придворной штатъ господина свѣта, мимо себя идущей; оной состоялъ изъ особъ важнаго вида. Одни одѣты были въ красныя, а другїя въ фїалетовыя платья. Почти всѣ прїятнымъ взоромъ смотрѣли на прекраснаго Амазана, кланялись ему и говорили другъ другу: *San Martino, che bel' ragazzo! San Pancratio, che bel' fanciullo!*

Красныя, коихъ должность состояла въ томъ, чтобъ показывать иностраннымъ любопытство достойное въ городѣ, старались показать ему развалины древнихъ стѣнъ, въ которыхъ бы и пастухъ муловъ не хотѣлъ препроводить ночи; однако оныя были достойные знаки великости знатнѣйшаго на свѣтѣ народа. Онъ видѣлъ еще картины двухъ сотъ лѣтнїя и статуи, коимъ было больше дватцати вѣковъ, и которыя ему несравненнаго искусства показались.

Дѣ-

(*) Vrbi et orbi.

дѣлаете ли вы еще такую работу? — Нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ ему одинъ красной, но мы пренебрегаемъ всѣми на землѣ, потому что сохраняемъ сїи рѣдкости. Мы подобно ветошникамъ, получаемъ нашу славу отъ старыхъ платьевъ, хранящихся въ нашихъ лавкахъ.

Амаханъ желалъ видѣть дворецъ, куда его и проводили. Представились ему тамъ люди въ фїолетовомъ платьѣ, щитающїе государственные доходы, собираемые съ земель поселенныхъ на Двинѣ, на Луарѣ, на Гвадалквивирѣ и на Вислѣ. Такъ то, сказалъ Амаханъ, посмотря на свою Географическую карту, Государь вашъ обладаетъ всею Европою, какъ и древнїе воины Семигорскїе? Онъ долженъ обладать и всемъ свѣтомъ по праву божественному, отвѣчалъ ему одинъ изъ одѣтыхъ въ фїолетовомъ платье: да и было время, въ которое его предки приближались ко всеобщей монархїи; но потомки ихъ нынѣ изволятъ только довольствоваться нѣкоторымъ числомъ денегъ,

кои Короли, ихъ подданные, платятъ имъ наподобїе дани.

И такъ, Государь вашъ, сказалъ Амацанъ, неиначе почитается, какъ Король Королей, я думаю, что сей настоящей его титулъ? Нѣтъ, ваше превосходительство, титулъ его *слуга слугъ*; онъ по происхожденїю своему рыбакъ и привортникъ; и для того знаки его достоинства состоятъ въ ключахъ и сѣтяхъ; но онъ повелѣваетъ всѣми Королями. Недавно послалъ онъ сто и одно повелѣнїе Королю земли Целтской, и Король послушалъ.

Рыбакъ вашъ безъ сумнѣнїя, сказалъ Амацанъ, послалъ притомъ пять или шесть сотъ тысячъ человѣкъ, чтобъ заставить исполнить свои сто и одно повелѣнїя?

Нѣтъ, ваше превосходительство, нашъ святой повѣлитель не столь богатъ, чтобъ могъ содержать и десять тысячъ солдатъ; но онъ имѣетъ отъ четырехъ до пяти сотъ тысячъ божїихъ пророковъ, разпредѣленныхъ по другимъ землямъ. Сїи пророки въ оде-

одеждахъ разныхъ цвѣтовъ, содержатся по справедливости на коштѣ народномъ; они предвѣщаютъ именемъ небеснымъ, что Государь мой можетъ ключьми своими отпирать и запирать всѣ замкй, а особливо крѣпкихъ сундуковъ. Нормандскій попъ будучи у Короля, о которомъ я вамъ говорю, въ великой довѣренности, уговорилъ его, что должно ему безмолвно повиноваться сту и одному повѣленію моего Государя; надобно вамъ знать, что одно изъ преимуществъ Семигорскаго старика состоитъ въ томъ, что онъ всегда имѣетъ право, хотя бы удостоивалъ съ кѣмъ говорить, или къ кому писать.

Вотъ какой отмѣнной человѣкъ, сказалъ Амацанъ: я бы любопытенъ былъ съ нимъ обѣдать. —— Ваше превосходительство, хотя бы вы были и Король, то бы не могли съ нимъ кушать за однимъ столомъ; онъ бы больше для васъ не здѣлалъ, какъ посадилъ бы васъ за столъ по сторону себя, которой былъ бы гораздо меньше и ниже его стола. Но естьли вы хо-

тите имѣть честь съ нимъ говорить, то я испрошу у него вамъ аудїенцїи посредствомъ *буона манцїа*, которую мнѣ пожалуете. Весьма охотно, сказалъ Гангаридъ. Фїолетъ ему поклонился. Я васъ завтра введу, сказалъ онъ; вы здѣлаете три колінопреклоненїя, и поцѣлуете ноги старика Семигорскаго. При сихъ словахъ Амацанъ надсѣлся было со смѣху; онъ вышелъ державъ себя за бока̀, и смѣялся до слезъ во всю дорогу, пока дошелъ до своего трахтира, гдѣ онъ еще весьма долго смѣялся.

Во время его обѣда, дватцать человѣкъ безъ бородъ и дватцать скрипачей, играли концертъ. Остатокъ дня былъ онъ посѣщаемъ знатными господами въ городѣ; они предлагали ему дѣла̀ гораздо чудняе цѣлованїя ногъ старика Семигорскаго. Какъ онъ былъ чрезвычайно учтивъ, то подумалъ тотчасъ, что сїи господа̀ почли его за даму, и такъ старался ихъ съ большею осторожностїю и честностїю вывесть изъ сомнѣнїя. Но будучи принуждаемъ нѣсколько горя-

чо двумя или тремя наіотважнѣйшими фіолетами, выбросилъ онъ ихъ изъ окошка, не надѣясь чрезъ то здѣлать большую жертву прекрасной Формозантѣ. Онъ въ самой скорости оставилъ сей городъ господъ свѣта, гдѣ должно было цѣловать ногу старику, какъ будто бы на оной была его щека, и гдѣ съ молодыми людьми обходились весьма чуднымъ образомъ.

§. 10.

Сей примѣръ постоянства странствуя по разнымъ землямъ и противясь навсегда всѣмъ ставимымъ ему любовнымъ сѣтямъ, въ безпрестанной вѣрности къ Принцессѣ Вавилонской, а напротивъ того въ неутолимомъ сердцѣ противъ Короля Египетскаго, пріѣхалъ въ новую столицу Галловъ. Сей городъ также какъ и многіе другіе прошелъ всѣ степени варварства, невѣжества, глупости и бѣдности. Первое его имя было грязь и дрязгъ; потомъ принялъ онъ имя Изисы, отъ служенія Изисѣ до него. Первой его Сенатъ составлялъ собраніе ко-

рабельщиковъ. Онъ былъ долгое время невольникъ воиновъ, грабителей Семигорскихъ, и чрезъ нѣсколько вѣковъ послѣ того другїе воины разбойники пришедъ съ той стороны Рейнскаго берега овладѣли его землею.

Время перемѣняюще все здѣлало изъ него такой городъ, котораго половина была весьма благородна и прїятна, а другая нѣсколько груба и смѣшна. Сїе было изображенїе его жителей. Въ немъ было по крайней мѣрѣ близъ ста тысячъ человѣкъ, неимѣющихъ инаго дѣла, какъ только играть и веселиться. Сей праздной народъ разсуждалъ о искусствахъ, въ которыхъ другїе упражнялись. Они не знали ничего, что при дворѣ дѣлается, хотя оной былъ отъ нихъ разстоянїемъ только четыре малыхъ мили, а имъ они казались по крайней мѣрѣ за-шесть сотъ миль. Прїятность общества, веселость, праздность были ихъ важныя и единственныя дѣла, управляли ими, какъ дѣтьми, которымъ даютъ множество игрушекъ, чтобъ ихъ отъ крику удер-

держать. Естьли говорили о жестокости, съ какою, два вѣка тому назадъ, раззорено было ихъ отечество, и о ужасныхъ временахъ, въ которыя половина народа порубили другую изъ одного только предубѣжденія, то они на то отвѣчали, что въ самомъ дѣлѣ сіе было не хорошо, а потомъ опять начинали смѣяться и пѣть уличныя пѣсни.

Чемъ учтивѣе, веселѣе и любезнѣе были праздныя, тѣмъ больше примѣчалось между ими и собраніями упражненныхъ людей жалостнаго несогласія.

Между сими упражненіями или почитающими себя за такихъ, была толпа темныхъ, частію глупыхъ, частію великихъ лукавцовъ, коихъ одинъ только взоръ опечаливалъ землю, и которыя бы ея, естьли бы могли, совсѣмъ переворотили, чтобъ привесть себя не много въ знать. Народъ праздныхъ прогонялъ ихъ пляскою своею и пѣніемъ въ ихъ пещеры, какъ птицы принуждаютъ совъ прятаться въ разсѣляны развалившихся стѣнъ.

Другїя упражненыя въ гораздо меньшемъ числѣ, были сохранители древнихъ обыкновенїй ва́рварскихъ, противъ коихъ устрашенное естество громкимъ голосомъ вопїяло; они совѣтовали только съ своими реестрами, червьями источенными. Естьли они въ нихъ усматривали обыкновенїе несмыслѐнное и ужасное, то почитали оное за святой законъ. Отъ сего то подлаго обыкновенїя, когда они не смѣли вольно думать, а почерпали свои понятїя изъ остатковъ тѣхъ времен, въ которыя ничего не думали, произошли въ самомъ веселомъ городѣ жестокїе обычаи. По сей то причинѣ не было никакого размѣра между преступленїями и наказанїями. Осуждали иногда невиннаго на несноснѣйшїя мученїя, чтобъ признался въ преступленїи, котораго совсѣмъ не дѣлалъ.

Наказывали за несмысленную продерзость юности столько же, какъ и за отравленїе ядомъ или убїйство родителей. Праздныя произносили великой крикъ, а на другой день боль-

ше о томъ и не думали, а говорили только о новыхъ модахъ.

Въ глазахъ сего народа протекъ цѣлой вѣкъ, во время котораго искусства достигли до такого степени совершенства, какого никогда надѣятся не осмѣливались; тогда прїѣзжали иностранные какъ въ Вавилонъ, чтобъ удивлялися великимъ монументамъ Архитектуры, удивительнымъ садамъ, превосходному искусству рѣзному и рисовальному; они чрезвычайно плѣнялись музыкою, которая трогала сердце, не обезпокоивая слуха.

Истинное стихотворство, то есть, естественное и согласное, чувствительное столько же сердцу какъ и разуму, стало извѣстно народу, въ семъ только щастливомъ вѣкѣ. Новые роды краснорѣчїя изъявляли красоты превосходныя. Особливо театры чрезвычайнымъ своимъ искусствомъ толь прославились, что никакой народъ имъ подобныхъ никогда не производилъ; наконецъ оказался хорошей вкусъ и во всѣхъ ре-

меслахъ, такъ что и у Друидовъ здѣлались хорошїе писатели.

Такїя лавры, вознесшїяся до облаковъ, засохли опять скоро въ истощенной землѣ. Ихъ осталось только весьма мало, но и оныхъ зеленые листья совсѣмъ пожелтѣли и помертвѣли. Упадокъ здѣлался отъ того, что трудъ стали почитать за лехкой, илѣнились здѣлать хорошее, наскучивъ ужѣ хорошимъ, а плѣнясь совсѣмъ страннымъ. Тщеславїе стало защищать художниковъ, которые опять звели времена ва́рварства: и сїе то самое тщеславїе, изгнавъ истинныя достоинства, принудило ихъ оставить свое отечество, сводъ прогналъ пчелъ.

Не стало ужѐ почти больше истинныхъ исскуствъ и естественнаго понятїя. Все исскуство стояло въ томъ, чтобъ безумно разсуждать о достоинствахъ прошедшаго вѣка; маратель стѣнъ питейнаго дому опорочивалъ, какъ ученой человѣкъ, картины великихъ рисовальныхъ мастеровъ, иаратели бумаги превращали

дѣла̀

дѣла великихъ писателей. Невежество и дурной вкусъ имѣли еще другихъ марателей на своемъ содержанїи, повторяли тѣже самыя дѣла во-стѣ фолїантахъ подъ разными титулами. Все было, либо лексиконъ, или пустые недѣльные листочки. Писатель газетъ изъ Друидовъ писалъ два раза въ недѣлѣ темныя лѣтописи о нѣкакихъ обладаемыхъ дїаволомъ, совсѣмъ народу неизвѣстныхъ, и о чудесахъ небесныхъ, производимыхъ въ углу подъ крышкою малыми нищими и нищенькими; другїя, изключенныя изъ Друидовъ, одѣтыя въ черное платье, будучи при смерти отъ сердца и голода, жаловались во-стѣ сочиненїяхъ, что имъ больше не позволяли обманывать людей, оставляли сїе право козламъ, одѣтымъ въ сѣрое платье. Нѣкоторые Архидруиды печатали и пасквили.

Амацанъ ничего того не зналъ, а хотя бы и зналъ, однако бы то его не обезпокоивало; потому что имѣлъ голову наполненную мыслями о Принцессѣ Вавилонской, о Королѣ Египетскомъ,

скомъ, и о ненарушимой своей клятвѣ, чтобъ презирать всѣ любовныя обхожденія съ дамами, въ какую бы землю печаль его ни привела.

Вся подлость лехкомысленная, глупая и приводящая до крайности сродное людямъ любопытство долго собравшись, стояла около его единороговъ. Женщины, будучи гораздо умнѣе, вошли силою въ двери, чтобъ на него самого посмотрѣть.

Съ начала оказалъ онъ своему хозяину желаніе быть во дворцѣ; но праздные хорошаго общества, случившіяся тутъ нечаяннымъ образомъ, сказали ему, что нынѣ ужѐ то не въ обычаѣ, что времена весьма перемѣнились, и нѣтъ больше увеселенія, какъ въ городѣ. Тогоже вечера просила его къ себѣ ужинять одна дама, которой разумъ и дарованія, внѣ ея отечества были извѣстны. Она бывала въ нѣкоторыхъ земляхъ, чрезъ кои Амацанъ проѣхалъ. Сія дама, и бывшее у нея собраніе, весьма ему понравились. Вольность тамъ была благопристойная, веселость безъ шу-

му,

му, наука безъ отвращенія и разумъ безъ высокопарности. Онъ увидѣлъ, что имя хорошаго собранія непустое названіе, хотя оно часто и пренебрегаемо бываетъ. На другой день обѣдалъ онъ въ обществѣ не меньше пріятномъ, но болше роскошномъ. Чѣмъ довольнѣе онъ былъ гостьми, тѣмъ больше имъ были довольны. Духъ его на́чалъ ужѐ смягчаться и таять такъ, какъ ароматы его земли̇̆ распускаются по не многу на умѣренномъ огнѣ, и производятъ пріятной за́пахъ.

Послѣ обѣда повели его на прелестное позорище проклятое Друидами, пото́му что оно лишало ихъ слушателей, весьма для нихъ нужныхъ. Сїе позорище состояло изъ пріятныхъ стиховъ, изъ прелестнаго пѣнія, танцованія, изъявляющаго движенія души̇̆ и изъ проспектовъ, увеселяющихъ глаза̀, обманывая притомъ оные. Сей родъ увеселенія, содержащей въ себѣ множество другихъ, былъ только извѣстенъ подъ иностраннымъименемъ; онъ назывался *оперою*, что напредъ сего значило на языкѣ Семи Горъ:

работа, попеченіе, упражненіе, прилѣжность, предпріятіе, трудъ, дѣло. Сіе то дѣло его плѣнило, особливо одна дѣвица, тронула его пріятнымъ своимъ голосомъ, и прелестнымъ видомъ, съ онымъ сопряженнымъ; сія дѣвушка представлена ему была послѣ позорища новыми его пріятелями. Онъ подарилъ ей горсть алмазовъ. Она за то столь была благодарна, что во весь день отъ него не отошла. Онъ съ нею ужиналъ, и во время стола забылъ свою воздержность, а послѣ ужина забылъ и клятву, чтобъ быть всегда нечувствительнымъ противъ красоты, и неупросимымъ при нѣжныхъ объявленіяхъ любви. Какой примѣръ слабости человѣческой!

Прекрасная Принцесса Вавилонская пріѣхала тогда съ Фениксомъ, съ придворною своею дамою Ирлою, и съ двумя стами конницы Гангарадской на единорогахъ. Должно было довольно долго дожидаться, пока отперли городскіе ворота. Она спросила тотчасъ наипрекраснѣйшей, наихрабрѣйшей,

шей, наиразумнѣйшей и наивѣрнѣйшей изъ смертныхъ, въ семъ ли еще городѣ? Правители онаго догадались, что она говоритъ о Амацанѣ, проводили ея въ нанимаемой имъ домъ. Она вошла съ сердцемъ, трепещущимъ отъ любви, духъ ея пронзенъ былъ неизреченною радостїю, что наконецъ увидитъ въ своемъ любовникѣ примѣръ постоянства. Ничто не препятьствовало входу ея въ его покои; занавѣски были отдернуты; она увидѣла прекраснаго Амацана, спящаго въ объятїяхъ пригожей брюнетки. Они оба имѣли весьма великую нужду въ покоѣ.

Формозанта произнесла жалостной стонъ, раздавающейся по всѣму дому, но оной не могъ разбудить ни ея брата, ни дѣвицы. Она безъ памяти упала на-руки Ирлѣ. Какъ скоро опять опамятовалась, то вышла изъ сего несноснаго покоя съ печалїю, смѣшенною съ великимъ гнѣвомъ. Ирла освѣдомилась, кто такова была сїя молодая дѣвушка, препровождающая толь прїятно время съ прекраснымъ

Амацаномъ. Ей сказали, что она была *театральная дѣвушка* весьма снизходительная, соединяющая съ прочими своими дарованїями и прїятность пѣнїя. О праведное небо! о мощной Оросмадъ! вскричала прекрасная Принцесса Вавилонская, погруженная въ слезахъ, кѣмъ я измѣнена, и для кого! И такъ тотъ, которой для меня отказывалъ толь многимъ Принцессамъ, мѣняетъ меня на негодную Галскую театральную дѣвку! Нѣтъ, я не могу перенести сего поруганїя.

Такъ-то, милостивая государыня, сказала ей Ирла, всѣ молодые люди въ цѣломъ свѣтѣ поступаютъ; хотя бы они были влюблены въ красоту, снизшедшую съ небесъ, однако въ состоянїи въ иномъ случаѣ здѣлать ей невѣрность самою подлою трахтирною служанкою.

Я пропала, сказала Принцесса, я его во всю мою жизнь не увижу; поѣдемъ тотчасъ, велите закладывать единороговъ. Фениксъ просилъ ея, чтобъ по крайней мѣрѣ подождала, какъ Амацанъ проснется, и съ нею можетъ

жетъ поговорить. Онъ того недостоинъ, сказала Принцесса: ты бы меня жестоко тѣмъ обидилъ; онъ бы подумалъ, что я тебя просила, чтобъ ему дѣлать выговоры, и что я хочу съ нимъ примириться. Естьли ты меня любишь, то не присоединяй сего посрамленія къ посрамленію, которое онъ мнѣ здѣлалъ. Фениксъ, будучи сверьхъ всего, долженъ жизнію своею дочерѣ Короля Вавилонскаго, не могъ ея ослушатся. Она поѣхала назадъ со всею своею свитою. Куда мы поѣдемъ, милостивая государыня, спросила ея Ирла! Я не знаю, отвѣчала Принцесса. Мы поѣдемъ по первой дорогѣ, которая намъ попадется; только бы мнѣ отъ Амацана уѣхать, я буду тѣмъ довольна. Фениксъ будучи умнѣе Формозанты, потому что былъ безъ страсти, утѣшалъ ея дорогою, выговаривая ей съ смиреніемъ, что весьма жалко мучить себя за чужіе проступки, представляя ей притомъ, что Амацанъ оказалъ ей много похвальныхъ опытовъ своей вѣрности,

за которую она ему малое его забвенїе простить можетъ; чтобъ тотъ былъ праведной, которому бы милости Оросмадовой не доставало; что онъ будетъ впредь въ любви и въ добродѣтели тѣмъ постояннѣе; желанїе къ поправленїю своей погрѣшности тѣмъ больше его возвыситъ, и она чрезъ то будетъ щастливѣе, что многїя великїя Принцессы прощали сему подобныя преступленїя, и были отъ того благополучны. Онъ представлялъ ей оному примѣры, и толь искусно умѣлъ разсказать, что Формозанта начала въ мысляхъ своихъ успокоиваться, и не желала толь скоро уѣхать, почитала, что единороги ея бѣжали весьма скоро; но не осмѣлилась возвратиться, будучи противоборствуема склонностїю къ прощенїю, и желанїемъ, чтобъ показать свой гнѣвъ, любовїю и тщеславїемъ. Она дала свободу бѣжать своимъ единорогамъ; и такъ ѣздила по свѣту, по предсказанїю оракула, своего родителя.

Ама-

Амазанъ проснувшись, услышалъ о пріѣздѣ и возвращеніи Формозанты и Феникса; пересказали ему объ отчаяніи и гнѣвѣ Принцессиномъ, и какъ она клялась, что его никогда не проститъ. Мнѣ больше ничего не остается, вскричалъ онъ, какъ ѣхать за нею въ слѣдъ, и умертвить себя у ея ногъ.

Пріятели его изъ хорошаго общества праздныхъ прибѣжали на слухъ, пронесшейся о семъ приключеніи. Они всѣ представляли ему, чтобъ несравненно лучше для него было, есть-либы онъ у нихъ жить остался; ничто не можетъ, говорили они, сравниться съ пріятною жизнію, которую они ведутъ посреди искусствъ и покойной и нѣжной роскоши. Множество иностранныхъ, да и сами Короли предпочитали сей покой толь пріятно употребленной и толь плѣняющей своему отечеству и престолу. Сверьхъ того карета его изломана, и каретникъ дѣлаетъ ему новую по новой модѣ, а наилучшей портной въ городѣ скроилъ ужè ему дюжину

платья по самому новому вкусу. Веселыя и любезныя дамы въ городѣ, у которыхъ весьма изрядно играютъ комедїи, назначили каждая день, чтобъ дѣлать для него празднества. Дѣвка между тѣмъ пила шоколадъ, сидя за уборнымъ столикомъ, смѣялась, пѣла и дѣлала всякїя ласкательства прекрасному Амацану, которой наконецъ узналъ, что у нея не больше было смысла, какъ у гуся.

Какъ искренность, чистосердечїе, откровенность, также какъ великодушїе и мужество, состовляли нравъ сего великаго Принца, то разсказалъ онъ начатїя и путешествїя своимъ прїятелямъ. Они знали, что онъ былъ Принцессѣ братъ двоюродной, и были притомъ свѣдомы и о нещастномъ поцѣлуѣ данномъ ею Королю Египетскому. И такъ сказали ему, что такїе малые проступки между свойственниками простительны; въ противномъ же случаѣ должно было быть въ беспрестанныхъ ссорахъ. Ничто не отвратило его намѣренїя, чтобъ ѣхать за Формозантою, но карета его была

еще

еще не готова; и такъ принужденъ онъ былъ препроводить три дни между сими праздными въ безпрестанныхъ празнествахъ и веселїяхъ. Наконецъ простился онъ съ ними, обнявъ ихъ, подаря имъ найлучшихъ алмазовъ своей землй, и совѣтуя, чтобъ себя здѣлать тѣмъ любѣзнѣе и щастливѣе. Германцы, сказалъ онъ, старики въ Европѣ, Албїонскїе жители люди возмужалые, жители Галскїе дѣти, и я люблю съ ними играть.

§. 11.

Проводники его не имѣли труда ѣхать въ слѣдъ за Принцессою; потому что вездѣ объ ней и о большой ея птицѣ говорили. Всѣ жители наполнены еще были чрезвычайнымъ удивленїемъ. Народы Далматскїе и Маркъ-Анконскїе не столь много дивились: потомъ видя по воздуху летающей домъ; брега Луарскїе, Дордонскїе Гаронскїе и Гироискїе произносили еще радостныя восклицанїя.

Какъ Амазанъ приближился къ Пиренейскимъ горамъ, то правители

землй

земли и Друиды принудили его противъ воли протанцовать миноветь, называемой на ихъ языкѣ тамбуринъ; проѣхавъ же Пиренейскія горы не видалъ уже онъ больше веселія и радости; хотя иногда и слышалъ вдали пѣніе пѣсенъ, но оныя были всѣ жалкимъ голосомъ: жители важнымъ образомъ ходили съ нацепленными шариками, подпоясанные палашами. Народъ одѣтой въ черное платье казался быть въ траурѣ. Естьли служители Амазановы спрашивали о проѣзжающихъ, то оные отвѣчали имъ только знаками. Когда же входили въ трахтиръ, то хозяинъ изъяснялъ имъ только въ трехъ словахъ, что въ домѣ ничего нѣтъ, а должно, естьли что скоро надобно, искать за нѣсколько миль.

Когда у сихъ безмолвныхъ спрашивали, не видали ли они проѣзжающей Принцессы Вавилонской. То отвѣчали они на то нѣсколько обстоятельнѣе: мы ея видѣли, она не такъ хороша, нѣтъ ничего прекраснѣе какъ отъ солнца загорѣлыхъ лицъ: она вы-

ставливаетъ грудь, бѣлизною подобную алебастру. но оная вещь на свѣтѣ найпротивнѣйшая, чего въ нашихъ странахъ почти совсѣмъ не знаютъ.

Амацанъ приближился къ провинцїи, чрезъ которую рѣка бетисъ протекаетъ. Не прошло еще двенатцати тысячъ лѣтъ, какъ сїя земля найдена Тирїянами въ самое то время, какъ они открыли великой островъ Атлантической, спустя нѣсколько вѣковъ, послѣ того потонувшей. Тирїяне обработывали землю бетискую, которую природные жителли оставили впустѣ, воображая себѣ, что имъ ни во что мѣшаться не должно, а надобно Галламъ, сосѣдямъ ихъ, работать земли. Тирїяне привезли съ собою Палестиновъ, которые съ того времени бѣгали по всѣмъ странамъ, гдѣ бы только достать себѣ денегъ. Сїи Палестины, отдавая оныя въ ростъ по пятидесяти на-сто, завладѣли почти всѣми богатствами земли. Сїе подало народу бетискому причину думать, что Палестины

колдуны; и всѣ обвиненные въ колдовствѣ сожигались безъ милосердія нѣкоторымъ обществомъ Дрюидовъ, называемыхъ изслѣдователями, или Антропокайями (*). Сіи попы тотчасъ надѣвали на нихъ платья маскерадныя, захватывали всѣ ихъ имѣнія, и читали съ благоговѣніемъ свои природныя Палестинскія молитвы между тѣмъ, какъ тѣхъ изъ любви къ богамъ (*por l'amor de Dios*) на не большемъ огнѣ жарили.

Принцесса Вавилонская остановилась въ городѣ, называемомъ потóмъ Севилла. Намѣреніе ея было, чтобъ въ бетисѣ сѣсть на корабль и возвратиться чрезъ Тиръ въ Вавилонъ, гдѣ увидѣться опять съ Короделъ белусомъ, своимъ родителемъ, и забыть, естьли можно, невѣрнаго своего любовника, или по крайней мѣрѣ просить его себѣ въ мужа. Она велѣла позвать къ себѣ двухъ Палестиновъ исправляющихъ всѣ придворныя дѣлà. Они должны были ей достать три корабля. Фениксъ здѣлалъ съ ними всѣ надлежащія

(*) Человѣкосожигатели.

жащїя разпоряженїя, и нѣсколько поспоря, согласился въ цѣнѣ.

Хозяйка была весьма набожна, а мужъ ея не меньше, сверьхъ же того и фамилїяръ, то есть, шпїонъ Друидовъ, изыскателей Антропокайевъ: онъ не оставилъ, чтобъ ихъ не увѣдомить, что у него въ домѣ есть колдунья и два Палестина, которые имѣютъ согласїе съ дїаволомъ, превращеннымъ въ большую позолоченную птицу; изыскатели провѣдавъ, что у дамы было превеликое множество алмазовъ, почли ея тотчасъ за колдунью. Они дожидались только ночи, чтобъ запереть двести человѣкъ конницы и единороговъ, которые спали въ большихъ конюшняхъ, потому что изыскатели трусы.

Заперши крѣпко ворота, овладѣли они Принцессою и Ирлою; Феникса же взять не могли: онъ тотчасъ улетѣлъ въ той надеждѣ, что увидитъ Амацана, ѣдущаго по дорогѣ изъ Галлїи въ Севиллу.

Онъ повстрѣчался съ нимъ на границѣ Бетиской, и разсказалъ ему о нещастїи Принцесиномъ. Амацанъ отъ жало-

лости и досады не могъ ни слова̀ выговорить. Тотчасъ надѣлъ на себя стальныя золотомъ оправленныя латы, взялъ копье въ двенатцать футъ длиною, два праща, и острой мечь, называемой *огненнымъ*, которымъ могъ однимъ махомъ разсѣкать деревья, каменья и Дрюидовъ пополамъ; онъ надѣлъ на̀ голову шишакъ золотой съ перьями коршуновыми и штраусовыми. Сїе было древнее оружїе Магогово, которымъ сестра его Алдея подарила во время путешествїя чрезъ Скиѳскую землю: малое число людей, его провожающихъ, тотчасъ сѣли какъ и онъ каждой на своего единорога.

Амацанъ обнявъ любезнаго своего Феникса, сказалъ ему только сїи жалостныя слова̀: я виноватъ; естьли бы я не спалъ *съ театральною дѣвкою* въ городѣ праздныхъ, то бы прекрасная Принцесса Вавилонская не была въ семъ ужасномъ состоянїи. Поскачемъ поскорѣе къ Антропокайямъ. Тотчасъ прїѣхали въ Севиллу: тысяча пять сотъ алгвазиловъ карaулили у дверей того мѣста, въ которомъ

ромъ двести Гангаридовъ съ единорогами своими были безъ пищи заперты. Все ужѐ было приготовлено къ жертвѣ, которую надъ Принцессою Вавилонскою, надъ придворною ея дамою Ирлою и надъ двумя богатыми Палестинами, исполнять хотѣли.

Главной Антропокай, будучи окруженъ нижними Антропокайями, сидѣлъ ужѐ на своемъ освященномъ судилищѣ; толпа Севилловъ, носящыхъ нацѣпленные шарики на своихъ поясахъ, стоя́ли сложа ру́ки, и не говоря ни сло́ва, Принцессу Вавилонскую, Ирлу и двухъ Палестиновъ, вели ужѐ завязавъ ру́ки назадъ и одѣтыхъ въ маскерадное платье.

Фениксъ пролетѣлъ сквозь кровельное окошко въ тюрьму, въ которой Гангариды начали ужѐ проламыватъ двери. Непобѣдимой Амацанъ ламалъ ихъ снаружи. Они вышли всѣ вооружены, сѣли на своихъ единороговъ; Амацанъ сталъ ими предводительствоватъ. Ему не трудно было побѣдить Алгвазиловъ, фамилїяровъ, поповъ Антропокайевъ; каждой

единорогъ побивалъ ихъ цѣлыя дюжины вдругъ. Амаданъ мечемъ своимъ разрубалъ на́-двое всѣхъ тѣхъ, которые ему попадались; народъ въ черныхъ епанчахъ и съ замаранными крагенами бѣжалъ, державъ въ рукахъ освященные свои шарики. *(por l' amor de Dios.)*

Амаданъ схватилъ своею рукою главнаго изыскателя на судилищѣ, и взбросилъ его на приуготовленной въ со́рокѣ шагахъ отъ него костеръ; онъ пометалъ на оной и нижнихъ изыскателей одного за другимъ, а самъ палъ къ ногамъ Формозанты. Ахъ! какъ вы любезны, сказала она, и какъ бы я васъ обожала, естьли бы вы не здѣлали мнѣ невѣрности *театральною дѣвкою*.

Между тѣмъ, какъ Амаданъ примирялся съ Принцессою, а Гангариды взваливали на костеръ тѣла̀ всѣхъ Антропокайевъ, и пламя воздымалось до небесъ, увидѣлъ онъ и́здали подобно армїю, идущую къ себѣ. Престарѣлой Монархъ, имѣя корону на главѣ, приближался на колесницѣ, ве-

везенной восмью мулами запреженныхъ веревками; а сто другихъ колесницъ слѣдовали за нимъ. Они были провожаемы важными особами въ черныхъ епанчахъ съ крагенами, ѣдущими верьхомъ на весьма хорошихъ лошадяхъ; множество людей, шли пѣшками молча, съ засалеными волосами.

Амацанъ построилъ тотчасъ Гангаридовъ, и выступалъ поднявъ свое копье. Какъ скоро Король его увидѣлъ, то снялъ онъ свою корону, слѣзъ съ колесницы, обнялъ стремя Амацаново, и говорилъ ему: человѣкъ, посланной отъ бога, ты отмститель рода человѣческаго, избавитель моего отечества, мой защитникъ. Сіи освященныя чудовища, отъ которыхъ вы очистили землю, были мои повелители, именемъ старика Семи Горъ; я принужденъ былъ сносить порочную ихъ власть. Народъ мой оставилъ бы меня, ежели бы я хотя мало захотѣлъ умѣрить ихъ ужасныя жестокости. Съ сего

дня я ожилъ, царствую и вамъ онымъ долженъ.

Потомъ поцѣловалъ онъ съ почтенїемъ руку у Формозанты, и просилъ ея съ Амацаномъ, Ирлою и съ Фениксомъ сѣсть въ его колесницу, запряженную восмью мулами. Два Полестина, банкиры придворные, лежащїе еще разпростерты на землѣ отъ ужаса и благодарности, встали; а конница на единорогахъ поѣхала за Королемъ Бетискимъ къ его дворцу.

Какъ достоинство Короля важнаго народа требовало, чтобъ мулы его шли тихо, то Амацанъ и Формозанта имѣли время разсказать ему свои приключенїя. Онъ разговаривалъ также и съ Фениксомъ, удивлялся ему, и цѣловалъ его многократно. Онъ понималъ, сколь несмысленные скотски и звѣрски полночные народы ѣдящїе звѣрей, и неразумѣющїе больше своего языка? Утверждалъ, что одни только Гангариды соблюли естество и главное достоинство человѣческое; но особливо признавался, что наибольшїе варвары изъ смертныхъ

были

были изыскатели Антропокаи, отъ которыхъ Амацанъ очистилъ свѣтъ. Онъ не переставалъ его выхвалять и благодарить. Прекрасная Формозанта забывала ужѐ о произшествіи Амацановомъ *съ театральною дѣвкою*, и мысли ея наполнены были только храбростію сего Героя, спасшаго ей жизнь. Амацанъ будучи увѣдомленъ о невинности поцѣлуя, даннаго ею Королю Египетскому, но о оживленіи Феникса объятъ былъ истинною радостію, и наполненъ весьма сильною любовію.

Обѣдали во дворцѣ, и столъ былъ довольно не хорошъ. Бетискіе повара̀ были самые дурные въ Европѣ. Амацанъ совѣтовалъ, чтобъ привесть Галскихъ. Музыканты Королевскіе во время стола играли славную арію, называемую въ послѣдующіе вѣки, дурачества Ишпанскія. (*Les folies d'Espagne.*) Послѣ обѣда говорили о дѣлахъ.

Король спрашивалъ у прекрасныхъ Амацана, Формозанты и Феникса, что они начать думаютъ? Что до меня принадлежитъ, сказалъ Амацанъ,

то я намѣренъ ѣхать въ Вавилонъ, котораго я ближней наслѣдникъ, и просить у дяди моего Белуса сестру мою двоюродную, несравненную Формозанту себѣ въ супругу; естьли она не пожелаетъ со мною жить у Гангаридовъ.

Мое намѣренїе, сказала Принцесса, непремѣнное то, чтобъ никогда не разлучаться съ братомъ моимъ Амазаномъ, да и долгъ требуетъ, чтобъ я возвратилась къ Королю, моему родителю, потому что онъ мнѣ далъ позволенїе ѣхалъ только въ Бассору, а я объѣхала весь свѣтъ. Что до меня принадлежитъ, сказалъ Фениксъ, то я буду повсюду слѣдовать симъ нѣжнымъ и великодушнымъ любовникамъ.

Вы справедливо говорите, сказалъ Король Бетискїй, но возвращенїе ваше въ Вавилонъ не такъ лехко, какъ вы думаете. Я имѣю каждой день извѣстїя съ кораблями Тирскими, и чрезъ моихъ банкировъ Палестиновъ, которые со всѣми народами на свѣтѣ переписываются, что около Эфрата

и Нила всѣ приняли оружїе. Король Скиѳскїй требуетъ наслѣдства своей супруги съ тремя стами тысячами человѣкъ конницы. Короли Египескїй и Индѣйскїй опустошаютъ брега Тигрскїе и Эфратскїе, каждой съ тремя стами тысячами человѣкъ, чтобъ отмстить за учиненное имъ посмѣянїе. Въ отсутствїе жъ Короля Египецкаго Король Ефїопскїй раззоряетъ Египетъ съ тремя же стами тысячами человѣкъ; А Король Вавилонскїй не больше еще имѣетъ къ своему защищенїю, какъ шесть сотъ тысячъ человѣкъ.

Я вамъ признаюсь, продолжалъ Король, что когда услышу о сихъ пре-ужасныхъ армїяхъ, которыя восточныя земли, такъ сказать, выбрасываютъ изъ своего нѣдра, и о чрезвычайномъ ихъ великолѣпїи; то сравнивая ихъ съ нашими малыми корпусами, состоящими изъ дватцати или тритцати тысячъ человѣкъ солдатъ, коихъ толь трудно одѣть и содержать, покушаюсь думать, что восточныя страны гораждо прежде западныхъ сотворены. Кажется какъ будтобы

бы мы третьяго дня только вышли изъ ничего, а вчера изъ невѣжества.

Всемилостивѣйшій государь, сказалъ Амацанъ: пришедшіе послѣ побѣждаютъ иногда пришедшихъ на мѣсто прежде. Въ моей землѣ думаютъ, что человѣкъ происходитъ изъ Индіи, но я о томъ подлиннаго извѣстія не имѣю.

А ты, сказалъ Король Бетискій Фениксу, что о семъ думаешь? Всемилостивѣйшій государь, отвѣчалъ Фениксъ: я еще весьма молодъ, чтобъ мнѣ знать древности. Я жилъ только близъ двадцати семи тысячъ лѣтъ; но отецъ мой, жившей въ пять разъ больше сихъ лѣтъ, сказывалъ мнѣ, что онъ слыхалъ отъ своего отца, что восточныя стра́ны были всегда многолюднѣе и богатѣе другихъ. Предки его сказывали ему также, что нача́ло рожденія всѣхъ звѣрей было на брегахъ Ганскихъ; что до меня принадлежитъ, то я не столько тщеславенъ, чтобъ быть сего мнѣнія. Я не могу повѣрить, чтобъ лисицы Албіонскія, сурки Алпискіе и волки

ки Галскïе, происходили изъ моей земли такъ, какъ я не вѣрю, чтобъ сосны и дубы вашихъ странъ имѣли свое происхожденïе отъ пальмовыхъ и косовыхъ деревъ Индѣйскïхъ.

Но откуда же мы происходимъ? сказалъ Король. Я того совсѣмъ не знаю, отвѣчалъ Фениксъ, а хотѣлъ бы только вѣдать, куда прекрасная Принцесса Вавилонская и любезной мой другъ Амацанъ могутъ ѣхать. Я весьма сумнѣваюсь, сказалъ на то Король, чтобъ онъ могъ съ двумя стами своими единорогами пробиться чрезъ такïя армïи, состоящïя каждая изъ трехъ сотъ тысячь человѣкъ. Для чего не пройти? сказалъ Амацанъ.

Король бетискïй примѣтилъ, съ какимъ важнымъ видомъ Амацанъ выговорилъ слово *для чего*? Но зналъ притомъ, что онаго противъ безчисленныхъ армïй будетъ не довольно. Я вамъ совѣтую, сказалъ онъ, ѣхать къ Королю Еѳïопскому; съ симъ чернымъ Государемъ я въ союзѣ помощïю моихъ Палестиновъ, и дамъ вамъ къ нему письма. Онъ, будучи непрïятель Королю

Египетскому, почтет себя весьма щасливым, когда чрез союз съ вами усилится. Я могу вам вспомоществовать двумя тысячами человѣкъ весьма трезвыми и храбрыми. Вы можете, когда хотите, принять въ службу вашу столькоже у народовъ обитающихъ, или лучше сказать, скачущихъ на Пиренейскихъ горахъ, называемыхъ Васкерами, или Васконами. Пошлите туда одного изъ вашихъ воиновъ на единорогѣ съ нѣсколькими алмазами. Нѣтъ ни одного Васкона, которой бы для службы вашей не оставилъ замка, то есть, отцовскаго своего соломеннаго шалаша. Они неутомимы, храбры и забавны; и вы ими будете весьма довольны. Между тѣмъ пока они пріѣдутъ, будемъ мы для васъ дѣлать празднества и приготовимъ вамъ корабли. Я вамъ не могу довольно изъявить благодарности за оказанную вами мнѣ услугу.

Амазанъ пользовался щастіемъ, что опять нашелъ Формозанту, и наслаждался въ обхожденіи съ нею въ тишинѣ, всѣми пріятностьми примирен-

ной любви, которыя почти такуюже имѣютъ силу, какъ и любви начальной.

Въ скоромъ времени появилась толпа бодрыхъ и веселыхъ Васконовъ, танцующихъ тамбуриннъ; а другая храбрыхъ и важныхъ Бетисцовъ была ужѐ въ готовности. Престарѣлой и смуглой Король обнялъ нѣжнымъ образомъ обеихъ любовниковъ: онъ велѣлъ нагрузить ихъ карабли оружïемъ, постелями, шахматными играми, черными платьями, крагенами, лукомъ, баранами, курицами, мукою и множествомъ чесноку, желая имъ благополучнаго перѣзда, непремѣнной любви и побѣдъ.

Флотъ присталъ къ берегу, на которомъ сказываютъ зрезъ множество вѣковъ послѣ того Венецïанская Дидона, сестра Пигмалïонова, супруга Сихеева, оставя городъ Тиръ, основала преславной городъ Карѳагену, разрѣзавъ бычачью кожу на ремни, по свидѣтельству наиславнѣйшихъ писателей древности, которые никогда басенъ не сказывали, и Профес-

соровъ, кои писали для малыхъ дѣтей; хотя въ самомъ дѣлѣ никогда не бывало въ Тирѣ человѣка, называемаго Пигмаліонъ, или Дидонъ, или Сихеи, которыя имена настоящія Греческія, и въ сіе время въ Тирѣ и Короля совсѣмъ не было.

Гордая Карѳагена никогда не была приморскою гаванью; тамъ были только нѣкоторые Нумидіане, сушившіе на солнцѣ рыбу. Ѣхали мимо Бицацена и Сирты, плодоносныхъ береговъ, гдѣ были потомъ Сирена, и великой Херсонесъ.

Наконецъ пріѣхали къ первому устью освященной рѣки Нила. На самомъ крайнемъ концѣ сей плодоносной земли принималъ ужѐ Канопской портъ корабли всѣхъ народовъ торгующихъ, не зная, богъ ли Канопусъ основалъ сей портъ, или жители онаго здѣлали сего бога, нижѐ того, созвѣздіе ль Канопусъ дало свое имя городу, или городъ свое созвѣздіе: все извѣстіе объ ономъ состояло въ томъ, что городъ и созвѣздіе были весьма древни. И вотъ все, что можно

жно знать о происхожденiи дѣлъ, какого бы свойства они ни были.

Тутъ - то Король Еѳiопскiй, раззоряющей весь Египетъ, увидѣлъ сшедшихъ съ короблядя непобѣдимаго Амазана и Прекрасную Формозанту. Однаго почелъ онъ за бога войны, а другую за богиню красоты. Амазанъ подалъ ему препоручительное письмо отъ Короля Ишпанскаго. Король Еѳiопскiй тотчасъ учредилъ удивительныя праздвества, слѣдуя непремѣнному обыкновенiю военныхъ временъ. Потомъ говорили о предпрiятомъ изгнанiи трехъ сотъ тысячъ человѣкъ Короля Египетскаго, трехъ сотъ тысячъ человѣкъ Императора Индѣйскаго, и трехъ сотъ тысячъ человѣкъ великаго Хана Скиѳскаго, осаждающихъ препространной, гордой и роскошной городъ Вавилонъ.

Двѣ тысячи Ишпанцовъ, которыхъ Амазанъ привезъ съ собою, сказали, что имъ Король Еѳiопскiй для помощи Вавилону не надобенъ; довольно, когда ихъ Государь приказалъ имъ оной освободить, то они и одни сiе повелѣнiе исполнить могутъ.

Васконы сказали, что они бывали много разъ въ таковыхъ дѣлахъ, и такъ одни побьютъ Египтянъ, Индѣйцовъ и Скиѳовъ; съ Ишпанцами жъ, естьли пойдутъ, то съ такимъ договоромъ, чтобъ онымъ быть въ арїергардѣ.

Двести Гангаридовъ зачали смѣятся требованїямъ ихъ союзникохъ, и утверждали, что только со стами единорогами обратятъ они въ бѣгъ всѣхъ Королей на землѝ. Прекрасная Формозанта усмирила ихъ разумными и прїятными своими разговорами. Амацанъ представилъ черному Монарху своихъ Гангаридовъ, единороговъ, Ишпанцовъ, Васконовъ и прекрасную свою птицу.

Все было въ готовности, чтобъ итти чрезъ Мемфисъ, Гелїополъ, Арсиной, Петру, Артемиту, Сору, Апамею, атаковать трехъ Королей, и чтобъ начать сїю достопамятную войну, въ разсужденїи которой всѣ войны, бывшїя послѣ того между людьми, могутъ почесться за битву пѣтуховъ и перепелокъ.

Всякому извѣстно, какъ Король Еѳїопскїй, влюбясь въ прекрасную Формозанту, ея на постелѣ захватилъ, во время то, когда сладкой сонъ затворилъ ея глаза̀. Можно припомнить, что Амацанъ будучи свидѣтель сего позорища, почиталъ, что день и ночь спятъ вмѣстѣ. Не безъизвѣстно жъ и то, что онъ разсердясь за сїе поруганїе, выхватилъ тотчасъ свой мечь, отрубилъ дерскую голову сего безстыднаго Еѳїопа, и выгналъ всѣхъ Еѳїоповъ изъ Египта. Сїи удивленїя достойныя дѣла̀, не писаны ли въ лѣтописяхъ Египетскихъ? богиня славы повсюду вострубила о побѣдахъ, которыя Амацанъ надъ тремя Королями съ Ишпанцами, Васконами и единорогами своими одержалъ. Онъ возвратилъ прекрасную Формозанту ея родителю, освободилъ всю свиту своей любовницы, содержанную Королемъ Египетскимъ въ неволѣ. Великїй Ханъ Скиѳскїй объявилъ себя его подданнымъ, и бракосочетанїе его съ Принцессою Алдеею было утверждено. Непо-

побѢдимой и великодушной АмацанѢ, будучи признанъ наслѢдникомъ королевства Вавилонскаго, вошелъ въ городъ въ тріумфѢ съ Фениксомъ, въ присутствіи ста Королей, его подданныхъ. Празднество брака его превосходило во всемъ дѢланное прежде Королемъ белусомъ. На столѢ поставленъ былъ волъ Аписъ жареной. Короли Египетскій и ИндѢйскій подавали двумъ новобрачнымъ пить; и сіе бракосочетаніе воспѢто было пятью стами великими стихотворцами Вавилонскими.

О Музы! которыхъ всегда призываютъ въ началѢ своего сочиненія, а я къ вамъ вопію на концѢ. Напрасно упрекаютъ меня, что я говорю, слава богу, не сказавъ benedicite. Музы! вы немалыя мои будете въ томъ предстательницы, возпрепятствуйте, чтобъ смѢлыя продолжатели не испортили баснями своими справедливостей, которыя я смертнымъ написалъ въ семъ искреннемъ разсказаніи такъ, какъ они осмѢлились здѢлать подложную Кандиду, Ингену, и непоро-

порочныя приключенїя чистой Еганны, которую исключенной изъ Капуцынскаго ордена, переобразилъ чрезъ стихи достойные Капуциновъ въ изданїя батавскїя. Да не здѣлаютъ они сей обиды моему типогравщику, обремененному многочисленною фамилїею, которой едва столько имѣетъ, чтобъ содержать литеры, бумагу и чернила.

О Музы! заставьте молчать несноснаго Коге, Профессора бавардерскаго въ Коллегїи Мацаринской, которой будучи недоволенъ нравоучительными разговорами Велисара и Императора Юстинїана, писалъ негодные пасквили противъ сихъ великихъ людей.

Положите кляпъ въ ротъ педанту Лархеру, которой не зная ни слова древняго языка Вавилонскаго, не путешествуя такъ какъ я на брегахъ Эфрата и Тигра, былъ столько безстыденъ, и утверждалъ, что прекрасная Формозанта дочь наибольшаго Короля на свѣтѣ; Принцесса Алдея и всѣ дамы сего почтеннаго двора

ходили

ходили спать за деньги со всѣми конюхами Азїатскими въ большемъ храмѣ Вавилонскомъ по основанїю закона. Сей своевольникъ ученаго собранїя, вашъ и стыда непрїятель, обвиняетъ прекрасныхъ Египтянокъ Мендескихъ, что они любили только козловъ, представляя себѣ тайнымъ образомъ чрезъ сей примѣръ здѣлать нѣкоторое путешествїе въ Египтѣ, чтобъ имѣть наконецъ хорошїя приключенїя.

Какъ онъ противъ древняго не больше знаетъ и нынѣшняго, то включаетъ въ надеждѣ, чтобъ подбиться къ какой нибудь старухѣ, что наша несравненная Нинона будучи осмидесяти лѣтъ спала съ Гедуаномъ, Игуменомъ Академїи Французской, надписей и чистоты языка. Онъ никогда не слыхивалъ о Игуменѣ Шатеневѣ, котораго онъ почитаетъ за Игумена Гедуана. Онъ не больше знаетъ Нинону, какъ и дѣвицъ Вавилонскихъ.

Музы, дочери неба, непрїятель вашъ Лалхеръ еще больше дѣлаетъ.

Онъ

Онъ выхваляетъ мужеложство; онъ осмѣливается говорить, что всѣ бамбины моей земли подвержены сему сраму. Онъ надѣется спастись тѣмъ, что умножилъ число преступниковъ.

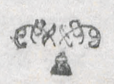
Благородныя и чистыя Музы, вы имѣете отвращенїе равное отъ педанства, какъ и отъ мужеложства, защитите меня отъ учителя Лархера.

А ты, учитель Алиборонъ, говоритъ Фреронъ, напредъ сего называемой Iезуитъ, ты, котораго Парнассъ то въ скукѣ, то на угольномъ кабакѣ, ты, которому отдавали толь великую справедливость на всѣхъ театрахъ Европы въ честной комедїи Шотландки; ты достойной сынъ попа де Фонтена, рожденной отъ любви его съ однимъ изъ сихъ дѣтей прекрасныхъ, которые носятъ желѣзо и перевязь какъ сынъ Веринъ, и которые воздымаются такъ, какъ и она на воздухъ, хотя и никогда не проходятъ далѣе, какъ только до верьху печныхъ трубъ. Любесной мой Алиборонъ, къ которому я всегда имѣлъ столь много любви, и которой

торой меня заставилЪ цѣлой мѣсяцЪ смѣяться во время сей Шотландки; я тебѣ препоручаю мою Принцессу Вавилонскую; говори объ ней худо, чтобъ ея читали.

Я и тебя здѣсь не забуду газетчикЪ духовной, славной ораторЪ обморочныхЪ, отецЪ церкви основанной ИгуменомЪ БехерандомЪ и АбрагамомЪ ШаменксомЪ, не оставь сказать вЪ своихЪ листахЪ стольже набожныхЪ, какЪ краснорѣчивыхЪ и разумныхЪ, что Принцесса Вавилонская еритикЪ, деистЪ и атеистЪ. Старайся особливо побудить господина Риболлера, чтобЪ заставить проклясть Принцессу Вавилонскую чрезЪ Сорбонну; ты здѣлаешь великое удовольствіе моему книгопродавцу, коему я для новаго года сію малую Исторію подарилЪ.

КОНЕЦЪ.

ПИСЬМО

ПИСЬМО

Архїепископа Канторбегскаго къ Архїепископу Парижскому.

Я получилъ, Милордъ, учрежденїе ваше противъ великаго Велисара, Генерала армїи Императора Юстинїана, и противъ господина Мармонтеля, Члена Французской Академїи съ гербомъ вашимъ, поставленнымъ на двухъ мѣстахъ, покрытымъ большею шапкою и съ двумя шнурами каждой о пятнатцати кистяхъ, все подписано Христофъ по милости божїей, Латушъ, съ прїобщеннымъ на концѣ крючкомъ.

Мы Аглинскїе Епископы не выдаемъ иныхъ учрежденїй, какъ касающихся до нашихъ откупщиковъ; и я вамъ признаюсь, Милордъ, чтобъ я въ вашемъ дѣлѣ желалъ нѣсколько больше Христїанскаго смиренїя. Въ прочемъ же я не понимаю, для чего вы въ надписи вашей принужденнымъ образомъ изъявляете, что вы проклинаете *господина Мармонтеля, Члена Французской Академїи.*

Естьли сочинители вашего учрежденія нашли, что полководецъ Императора Юстиніана не такъ изъяснялся, какъ Теологу вашей церкви надобно, то, мнѣ кажется, довольно бы для васъ было и того, чтобъ вы оное сказали, не трогая притомъ и знатнаго собранія, составленнаго изъ Принцовъ кро́ви, Кардиналовъ, Прелатовъ такъ, какъ вы Герцоговъ и Парламентскихъ Членовъ, Маршаловъ Французскихъ, главныхъ правителей и ученыхъ людей наиславнѣйшихъ. Я думаю, что Французская Академія не имѣетъ никакого дѣла до вашихъ Теологическихъ споровъ.

Позвольте мнѣ вамъ сказать, что естьли бы мы выдавали учрежденія въ таковыхъ случаяхъ, то бы мы сами оныя сочиняли. Я досадовалъ, что сочинитель вашъ проклялъ слѣдующее предложеніе сего великаго Генерала Велисара: *Богъ страшенъ злымъ, тому я вѣрю, но я хорошъ.* Я васъ увѣряю, Милордъ, что естьли бы нашъ Король, которой глава нашей церквы, сказалъ: *я хорошъ*, то

что бы мы не издали противъ его учреждения. *Я хорошъ*, столько же, кажется мнѣ, во всѣхъ земляхъ значитъ, какъ я имѣю доброе сердце, я люблю добро, я люблю справедливость, я хочу, чтобъ мои подданные были благополучны. И такъ не нахожу причины, чтобъ за то быть проклятому, что имѣешь хорошее сердце. Король Французскій, какъ весь свѣтъ говоритъ, весьма хорошъ и толь хорошъ, что онъ вамъ простилъ повторительныя непослушанія, которыя Францію смутили, и кои вся Европа не почла за знакъ хорошаго разума. Вы безъ сумнѣнія долговно хороши, чтобъ объ немъ притти въ раскаяніе.

Мы не видимъ, чтобъ Велисаръ былъ достоинъ ада за то, что сказалъ, что онъ хорошей человѣкъ. Вы утверждаете, что сіе добро есть еретичество, потому что святый Апостолъ Петръ въ первомъ своемъ посланіи гл. V. стихъ 5. сказалъ: *Богъ гордымъ противится*. Но сочинитель вашего учрежденія не думалъ

малъ совсѣмъ о томъ, что онъ писалъ. Правда, что богъ противится; сопротивленїе прилично богу. Но кому онъ противится, по словеси святаго Апостола Петра? Прочтите пожалуйте начало, и вы увидите, что онъ противится священникамъ, худо пасущимъ свои стада, а особливо юнымъ, неповинующимся старцамъ. *Юни, повинитеся старцамъ*, говоритъ онъ, *вси же другъ другу повинующеся, смиренномудрїе стяжите: зане Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.*

И такъ вопрошаю я васъ, какое средство есть между симъ сопротивленїемъ божїимъ и добрымъ сердцемъ Велисаровымъ? Полезно выхвалять смиренномудрїе, но не забыть притомъ похвалить и здраваго разсудка.

Весьма тому дивятся, что вашъ сочинитель опорочивалъ сїе человѣколюбивое и естественное выраженїе Велисарово: развѣ не обходимо *надобно, чтобъ столь много было отлащен-*

шенныхъ? Вы не токмо не хотите, чтобъ Велисаръ былъ хорошъ: но вы еще желаете, чтобъ и богъ милосердія не былъ хорошъ. Какое вамъ въ томъ удовольствіе, когда весь свѣтъ будетъ проклятъ? Мы на своемъ островѣ не такъ жестокосерды. Предокъ нашъ великой Тиллотзонъ, будучи признанъ за наиразумнѣйшаго и наименьше краснорѣчиваго предиканта Европы, почти всѣ предики свои говорилъ такъ, какъ Велисаръ. Вы мнѣ позволите здѣсь взять его сторону. Будьте прокляты, Милордъ, естьли вы того хотите, но я вамъ изъясняю, что я не токмо самъ оным не хочу, но и пріятелямъ моимъ того не желаю; надобно имѣть нѣсколько Христіанской любви. Я бы имѣлъ и еще что сказать вашему сочинителю; а особливо совѣтовалъ бы я ему, чтобъ онъ въ сочиненіяхъ своихъ не столь былъ плодовитъ. Пространство въ учрежденіяхъ весьма не годится: сей толь нужной предметъ не очень въ вашей землѣ наблюдается.

Симъ препоручаю васъ, любезной братъ, милости божїей, хотя слово хорошей вамъ толь и противно.

Вашъ хорошей собратъ
Архїепископъ Канторбергскій.

P. S. Когда вы будете писать къ Епископу Римскому, прошу засвидѣтельствовать отъ меня ему поклонъ; я къ нему въ достоинствѣ брата имѣю всегда большее почтенїе. Увѣдомляютъ меня, что онъ предъ недавнымъ временемъ имѣлъ нѣкоторыя не большїя досады; Неаполитанская лошадь дала ужасной ударъ ногою его ослицѣ, Венецїанская барка весьма пощипала барку святаго Петра, сыръ Пармезанъ здѣлалъ ему чрезвычайной запоръ. Мнѣ сего жаль: сказываютъ, что онъ хорошей человѣкъ; простите меня въ семъ словѣ. Я весьма зналъ его отца во время путешествїя моего въ Италїи: онъ былъ хорошей банкиръ; но мнѣ кажется, что онъ не умѣетъ хорошо весть своего счета.

КОНЕЦЪ.

